

100

Д. Н. ВЕРГУНЪ

Червонно-
русскіе ==
== ОТЗВУКИ

ЛЬВОВЪ 1901.

* QDN

(Ціна 50 Кай)

Діді одзава

Червонно-
русскіе ==
== ОТЗВУКИ

Стихотворенія

Д. Н. Вергуна.
1 а

I am proud of my father —
peasant and won't change
him for a king...

Thomas Carlyle.

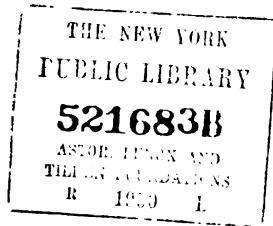
ЛВОВЪ.

„Удѣловая типографія“, ул. Линде No 8.

1901.

Р. 7.

YUD.

04837
'07

Изданіе „Литературнаго кружка“
при галицко-русскомъ студенческомъ обществѣ
„ДРУГЪ“.

Отъ издателей.

Мы рѣшились издать стихотворенія Д. Н. Вергуна, чтобы доказать, что Червонная или Галицкая Русь производитъ не однихъ только „украинофильскихъ“ или „русько-украинскихъ“ поэтовъ, пишущихъ на языкѣ Шевченка, но и пѣвцовъ общерусскихъ, выливающихъ свои звуки и на языкѣ Пушкина и Гоголя.

Что касается чистоты русскаго языка Д. Н. Вергуна, то черезъ чуръ придирчивымъ критикамъ считаемъ нужнымъ заявить, что Д. Н. Вергунъ учился сначала въ польскомъ начальномъ городскомъ училищѣ въ Городеѣ близъ Львова, прошелъ потомъ нѣмецкую гимназію во Львовѣ и сначала польскій, потомъ нѣмецкій университетъ, во Львовѣ и въ Вѣнѣ.

Грамматическія правила общерусскаго литературнаго языка Д. Н. Вергуну пришлось усваивать по нѣмецкимъ учебникамъ, такъ какъ другихъ тогда (въ 80-тыхъ годахъ) во Львовѣ,

а можетъ быть и во всей Галиціи, нельзя было достать.

Настоящій сборникъ стихотвореній Д. Н. Вергуна да послужитъ доказательствомъ, что усвоеніе общерусскаго литературнаго языка вовсе не трудно для галицкаго малоросса, хотя бы ему и не приходилось жить въ Россіи, а въ уголокъ русской земли, гдѣ каждая общерусская книжка считается чуть-ли не клеймомъ государственной изиѣны Авестріи.

Правъ былъ Богданъ Андреевичъ Дѣдицкій, издавъ въ 1866 году брошюру: „Въ одинъ часъ научиться малороссу по русски“!

Особенности языка Д. Н. Вергуна, гдѣ онъ рѣзко бросаются въ глаза, слѣдуетъ отнести, во 1-ыхъ, къ малорусскому происхожденію его (и Гоголи сначала обвиняли москвичи въ томъ, что онъ плохо пишетъ по русски, что не помѣшало ему, впоследствии, стать общепризнаннымъ образцовымъ русскимъ писателемъ!), во 2-ыхъ же, къ его неоспоримому праву вносить въ общерусскій литературный языкъ и свои мѣстные, червоннорусскіе, карпатскіе обороты.

Только такимъ образомъ можетъ обогащаться и крѣпнуть могучій и свободный русскій языкъ!

Д. Н. Вергунъ бывалъ и въ Россіи, даже 4 раза, но всегда на очень короткіе сроки. Первый разъ въ 1895 году, чтобы въ Петербургской Публичной Библіотекѣ написать свою

докторскую диссертацию о „Мелетіи Смотрицкомъ“.

Стихотворенія, печатаемыя здѣсь, помѣщались съ 1891 г. въ львовской „Бесѣдѣ“ О. А. Мончаловскаго (1891 — 1897), въ „Живомъ Словѣ“ Ю. А. Яворскаго (1899) и въ „Славянскомъ Вѣкѣ“, издаваемомъ самимъ Д. Н. Вергуномъ во Вѣнѣ съ 1900 г.

Львовъ, въ іюль 1901 г.

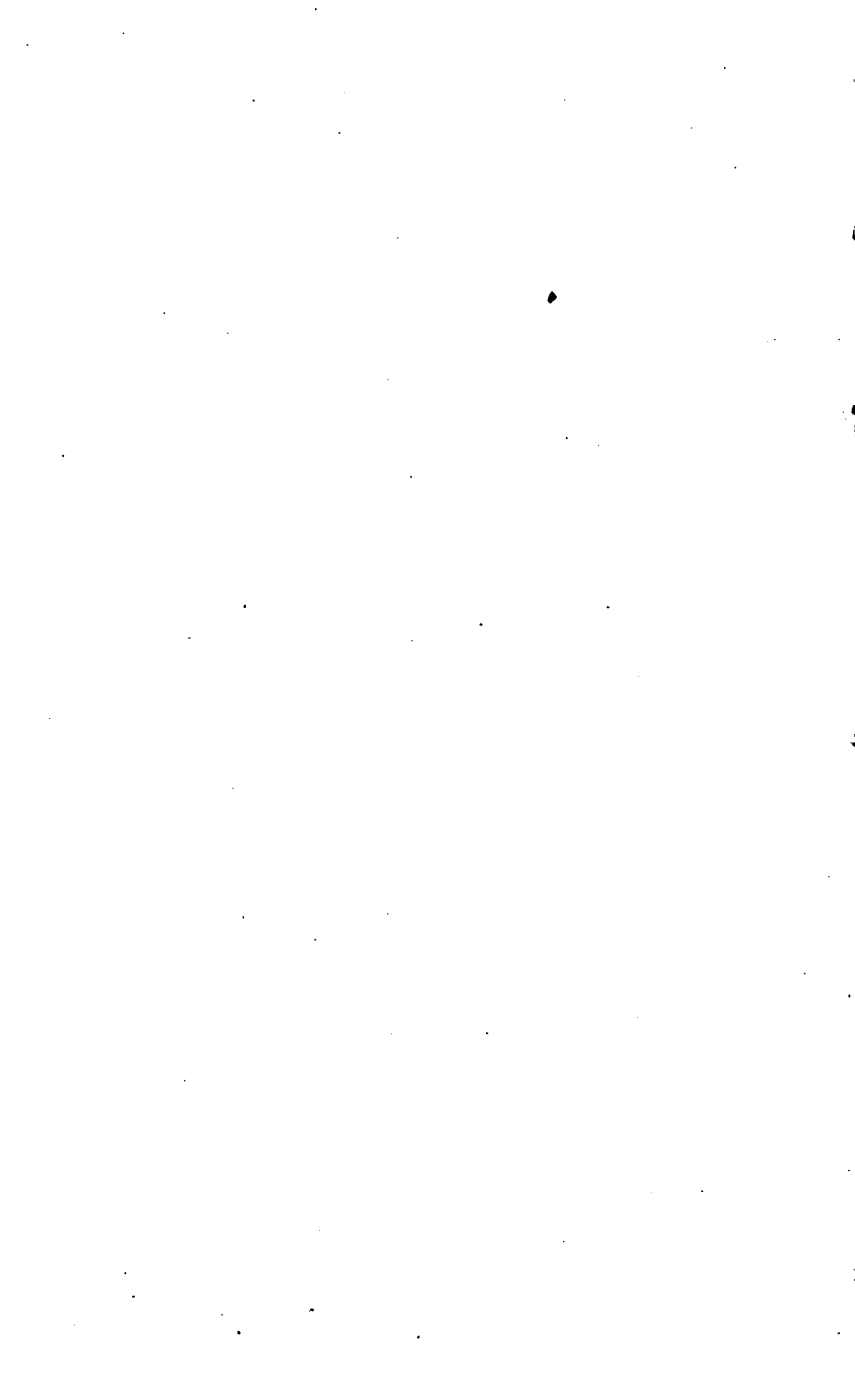
„ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОКЪ“

общества галицко-руескихъ студентовъ

„Другъ“ во Львовѣ

(Народный Домъ).

Посвященіе.

Мое-ли это, или перепѣвы
чужихъ напѣвовъ, мнѣ запавшихъ въ
[душу,
сказать такъ трудно!.. Но, когда посѣвы
падутъ на камень иль пустую сушу,
тогда возможно-ль ждать отъ нихъ плодовъ?
Вѣдь нѣтъ?! Такъ съ Богомъ въ свѣтъ,
[безъ лишнихъ словъ...

УЧИТЕЛЯМЪ.

А. С. Пушкину.

(Къ столѣтней годовщинѣ рожденія).

I.]

Имъ хорошо, пѣвцамъ Руси державной,
имъ геніевъ своихъ не трудно восхвалять!
По образцамъ пѣвцовъ плеяды славной
легко имъ пѣсни пѣть, легко ихъ и слагать!

Но намъ, сынамъ Руси той подъяремной,
что вѣкъ шестой уже яремъ чужой влачить,
намъ, рвущимся на свѣтъ изъ тьмы тю-
[ремной,
гдѣ намъ учиться пѣть, насъ кто-же вдо-
[хновить?

И мы поемъ нескладно, и, какъ знаемъ,
и трудно намъ ласкать пѣснолюбивый
[слухъ,
но въ пѣсняхъ нашихъ свято сохраняемъ
огонь любви къ Руси и святорусскій духъ!..

II.

Тотъ свѣтъ, что Володиміръ-князь
по всей Руси зажегъ,
тотъ духъ — на нашей родинѣ
давнымъ-давно бы могъ
погаснуть, улетучиться...
И въ копоти чужой
неразъ ужъ задыхался онъ...
Но всякій разъ живой
пахнулъ духъ русскій въ нашу Русь —
и ожилъ, не потухъ,
и вспыхнулъ яркимъ пламенемъ
нашъ святорусскій духъ!
Пахнулъ разъ духъ Хмѣльницкаго,
казаковъ удалыхъ,
потомъ и Гонта мстительный
приободрилъ родныхъ, —
а тамъ пришли будители,
вдохнули въ нашъ народъ
тотъ духъ, которымъ до сихъ поръ
онъ дышетъ и живетъ...

И крѣпнеть Русь Червонная,
и не погибнуть ей,
пока стомиліонная
тамъ Русь стоять за ней!
„Едина, недѣлимая“,
храни святой завѣтъ,
стой-стой, непобѣдимая,
и обнови весь свѣтъ!

III.

И кто же русскому народу,
сынамъ Богдана и Петра,
кто предсказалъ ему свободу
„въ надеждѣ славы и добра“ ?

Кто намъ изъ сказокъ пестротканныхъ
родную душу воскресилъ,
кто намъ изъ сумерокъ туманныхъ
день полный славы возвѣстилъ ?

То онъ, то Пушкинъ-первовѣстникъ
пути Руси предначерталъ,
онъ, вѣщихъ силъ достойный крестникъ,
намъ будущее разгадалъ.

Блеснулъ и намъ лучъ свѣтозарный,
и изъ восторженныхъ сердець
исходитъ голосъ благодарный :
благословенъ будь Царь-Пѣвецъ !

д

IV.

Хотя въ благоговѣйномъ хорѣ
поющихъ Пушкину хвалу
стихи мои, какъ капля въ морѣ,
какъ искра въ огненномъ пылу,
исчезнуть, — я хотѣлъ дерзнуть
пѣвца по своему возславить,
воспѣть того, кто смогъ наставить
меня на непреложный путь,
на путь молитвъ и пѣснопѣнй,
на путь мучительныхъ волненій
за свой народъ, за Русь святую,
за родины неволю злую,
за крестъ ея, удѣлъ печальный,
вѣнецъ терновый, погребальный,
за все, за все, чѣмъ жить могу,
пока въ борьбѣ изнемогу!..

Вѣна, 1899.

М. Ю. Лермонтову.

Лермонтовъ, надорванный поэтъ!
Ты всегда мнѣ свѣточъ и отрада,
и хотя-бъ хулилъ тебя весь свѣтъ,
какъ пѣвца отчаянья и ада,
я предамся страстно сладкимъ звукамъ
пѣсенъ недосказанныхъ твоихъ,
и, какъ ты, лишь горестямъ и мукамъ
посвящу свой выстраданный стихъ...

Львовъ, 1894.

1894

Ф. М. Достоевскому.

Когда меня иль тайный грѣхъ гнететь,
иль чуткой совѣсти казнятъ укоры,
къ тебѣ, пророкъ, я обращаю взоры,
въ тебѣ ищу отрады отъ невзгодъ.

Читая правду благодатныхъ словъ,
которыми ты унижалъ страницы,
слезами омываю я рѣсницы,
я каюсь, я перерождаюсь вновь...

И снова вѣру обрѣтаю я
въ возможность исправленія и счастья,
любви лишь больше и участія —
и сокрушится злоба бытія...

Вѣна, 1895.

Памяти А. И. Добрянскаго.

Почти столѣтіе трудился онъ
на полувспаханной славянской нивѣ,
онъ сѣялъ сѣмя и мечталъ о жнивѣ,
но нѣтъ, не сбылся долгой жизни сонъ...

Полузабытъ, онъ умеръ вдалекѣ
отъ родины, своихъ Карпатъ любимыхъ,
по ней онъ много пролилъ слезъ незримыхъ
и опочилъ въ уныньи и тоскѣ.

Онъ вѣрилъ все, что колоколь Софіи
насъ позоветъ на праздникъ всеславянства,
и съ силой вѣкового постоянства
пахаль-пахаль наперекоръ стихіи...

Его гнели, судили, но, кремень,
онъ перенесъ всѣ кары, оскорбленья,
въ безвременье, въ часъ общаго смятенья,
онъ все вѣщалъ, что близокъ-близокъ день.

Заря взошла... но день еще далекъ...
и хоть сто лѣтъ онъ ждалъ его сіянья,
хоть побѣдилъ всѣ муки и страданья,
дожить до дня не далъ суровый рокъ...

Но день придетъ!.. забытаго признають,
увидѣвъ всходы брошенныхъ сѣмянъ,
и въ гордомъ сонмѣ сплоченныхъ славянъ
его статую лавромъ увѣнчаютъ...

Вѣна, 1901.

И. Ф. Гундуличу.

(На създѣ славянскихъ журналистовъ въ Дубровникѣ. 8-го апрѣля 1901 г.).

О, Гундуличъ, взгляни, твоя сбылась мечта:
Славяне все стоятъ передъ твоимъ под-
ножьемъ
и древній Влахъ святой благословеньемъ
Божьимъ
встрѣчаетъ ихъ опять подъ сѣнію креста...

О, Гундуличъ, взгляни, тотъ вѣковѣчный
врагъ,
противъ кого ты всехъ зывалъ къ объе-
диненю,
почти ужъ побѣжденъ, онъ близокъ ужъ
къ паденю,
и скоро-скоро нашъ блеснетъ въ Царьгра-
дѣ стягъ...

Врага низвергъ не тотъ, кого ты призывалъ,
а братъ его родной, опора всеславянства,

любовью братскою, во имя христiянства,
онъ русскими костями свершилъ твой
идеаль.

Любви той научилъ его родной твой братъ,
скиталець Крижаничъ, полузабытый генiй,
съ тобою онъ мечталъ и въ роѣ сновидѣнiи
свободы всѣхъ славянъ онъ предвѣщалъ
возвратъ.

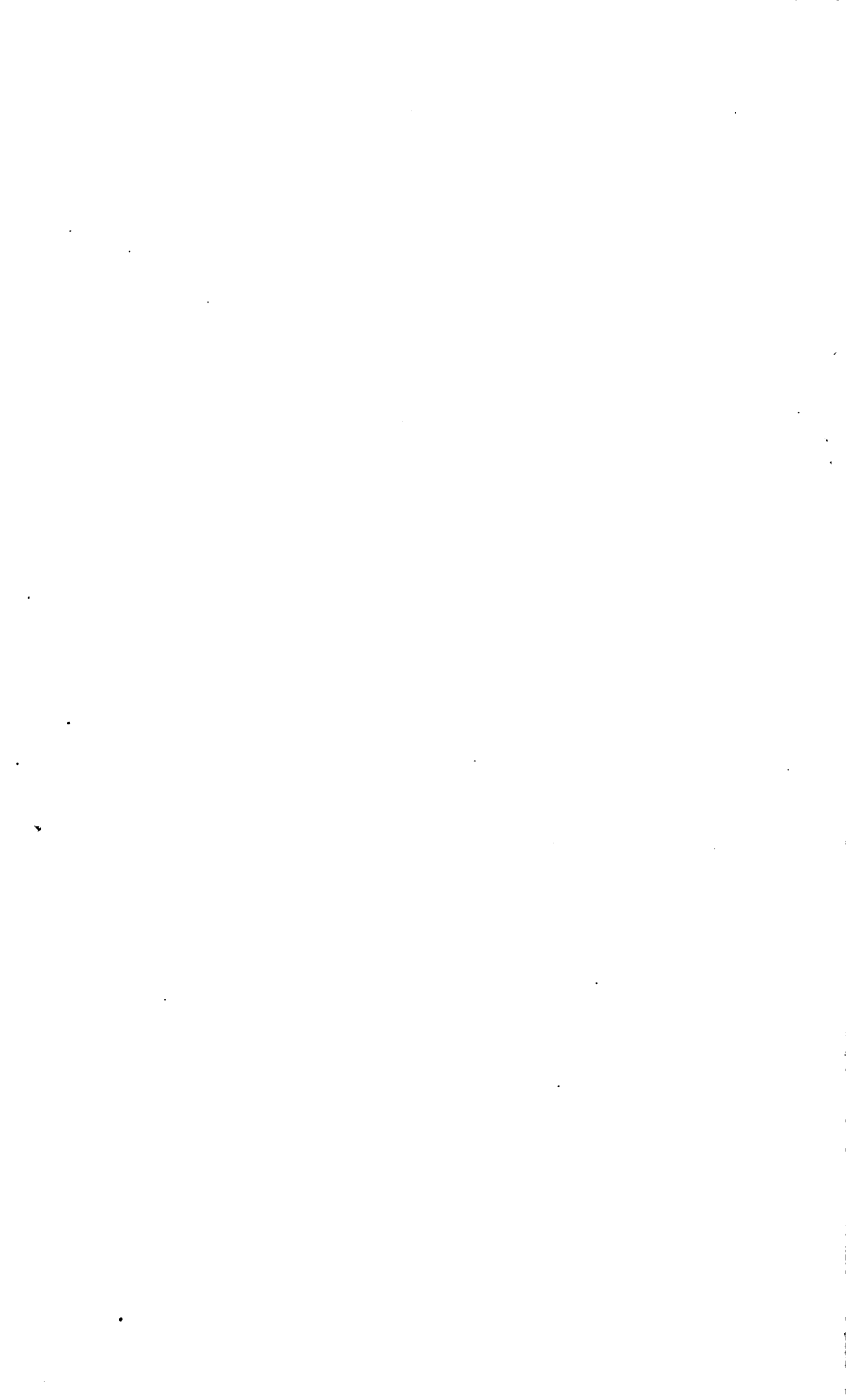
И вникли, Гундуличъ, славяне въ твои
завѣтъ
и собрались сюда изъ сѣвера и юга,
чтобъ предъ изваянемъ твоимъ обнять
другъ-друга
и дальше созидать нашъ всеславянскiй
свѣтъ.

Дубровникъ, 1901.

ВЕШНІЯ ВЪЯНІЯ.

* * *

Стало теплѣй... заструились потоки,
въ почкахъ деревъ освѣжились соки,
и подумали люди: весна, ужъ весна...
Солнце живить, унялась непогода,
ахъ, наконецъ-то проснулась природа
отъ мертвящаго зимняго сна.

Вдругъ, въ одну ночь понадвинулись тучи,
вьюга завыла, снѣгъ-иней сыпучій
замели снова все, что лишь видно окрестъ...
Снова зима, снова все забѣлѣло,
съежилось, спряталось, оледенѣло
и задохлось, не успѣвши разцвѣсть...

Такъ иногда молодые порывы
къ счастью, къ свободѣ, благіе призывы
попираетъ судьбы своевольный ударъ.
Много потомъ нужно дружныхъ усилій,
чтобъ загорѣлся въ пришибленной силѣ
снова прежній, угаснувшій жаръ...

Вѣна, 1894.

Какъ сильно я люблю васъ, облака,
когда, весной, несетесь вы слегка
по томно развернувшейся лазури;
летите вы волнистою грядою,
рѣзвясь, ласкаясь рунною каймою,
неся дожди и вешній громъ и бури...

Куда вы, милыя? зачѣмъ у насъ
въ сей истощенья и засухи часъ
не брызнете живительной водою,
зачѣмъ поля — зелеными хлѣбами,
сады, луга — пахучими цвѣтами
вы не засвете своей струею?

Но мчитесь вы, не вѣдая куда,
гоня свои игривыя стада,
не внемля жаждѣ и мольбѣ природы;
нагрянетъ вихрь и мигомъ васъ развѣетъ
и такъ безъ пользы, безъ слѣда развѣетъ
въ иную даль, въ иные небосводы...

Спб. 1895.

* * *

Какъ хорошо, когда весной,
въ удушливый, порою, зной
надъ сномъ долинъ, надъ дремой рощъ
съ грозою пронесется дождь.

Все задрожитъ и встрепенется
и въ свѣжей роскоши проснется
и вълнами благоуханья
наполнить ризы мірозданья...

Вездѣ висятъ-блестятъ росинки,
роняя робкія слезинки,
трепещетъ все отъ умиленья
въ волшебныхъ чарахъ оживленья...

И гомонъ птицъ и листьевъ шопоть,
рѣчной струи шумливый ропоть
и радуга въ выси небесной
волнуютъ насъ красой чудесной.

И, подымаясь высоко,
грудь дышетъ такъ легко-легко,
въ душѣ такъ чисто и свѣжо,
и хорошо, и хорошо!

Рѣчка, 1896.

* * *

Повѣяло весной, повѣяло пахучей
фіялкой нѣжною и сочною березой,
обдало жизнь мечтой, обдало смутной грезой,
раскаяньемъ глухимъ и болью-болью
[жгучей.

И шепчетъ греза мнѣ: не велика потеря,
ты въ будущемъ найдешь дары любви
[и пѣсенъ,
раскаянье-жь грызеть: ахъ, сколько ты
[ужъ весенъ
напрасно потерялъ, все въ будущее вѣря...

И подступаетъ вдругъ изъ глубины
[сердечной
горючая слеза по пережитымъ веснамъ,
но побѣдивъ печаль страданьемъ живо-
[носнымъ,
ввѣрюсь я опять своей мечтѣ безпечной...

Вѣна, 1899.

К

* * *

Какъ весело лежать
на молодой травѣ
и мыслию витать
въ безбрежной синевѣ...

Какъ чудно ощущать
дыханье Бога-солнца
и съ вѣтеркомъ взлетать
на тучекъ волоконца...

слѣдить за мотыльковъ
извивистымъ порханьемъ,
и первенцовъ-цвѣтковъ
несмѣлымъ трепетаньемъ...

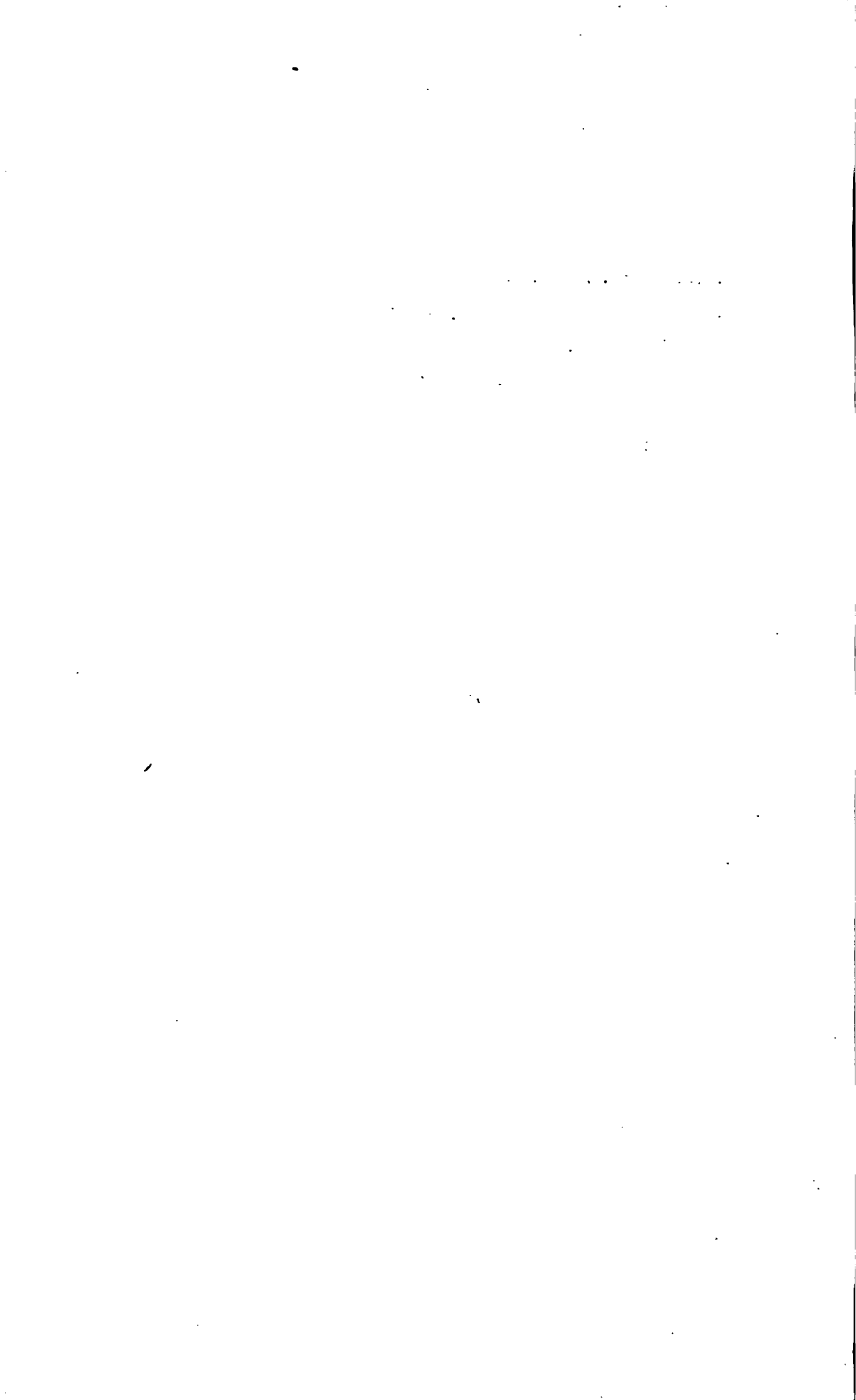
словить хрущей чету
въ объятіяхъ любовныхъ,
подмѣтить на лету
возвратъ гусей безмолвныхъ...

паръ обонять земли,
подслушать рой пчелиный,
коростелей вдали
и покликъ журавлиный...

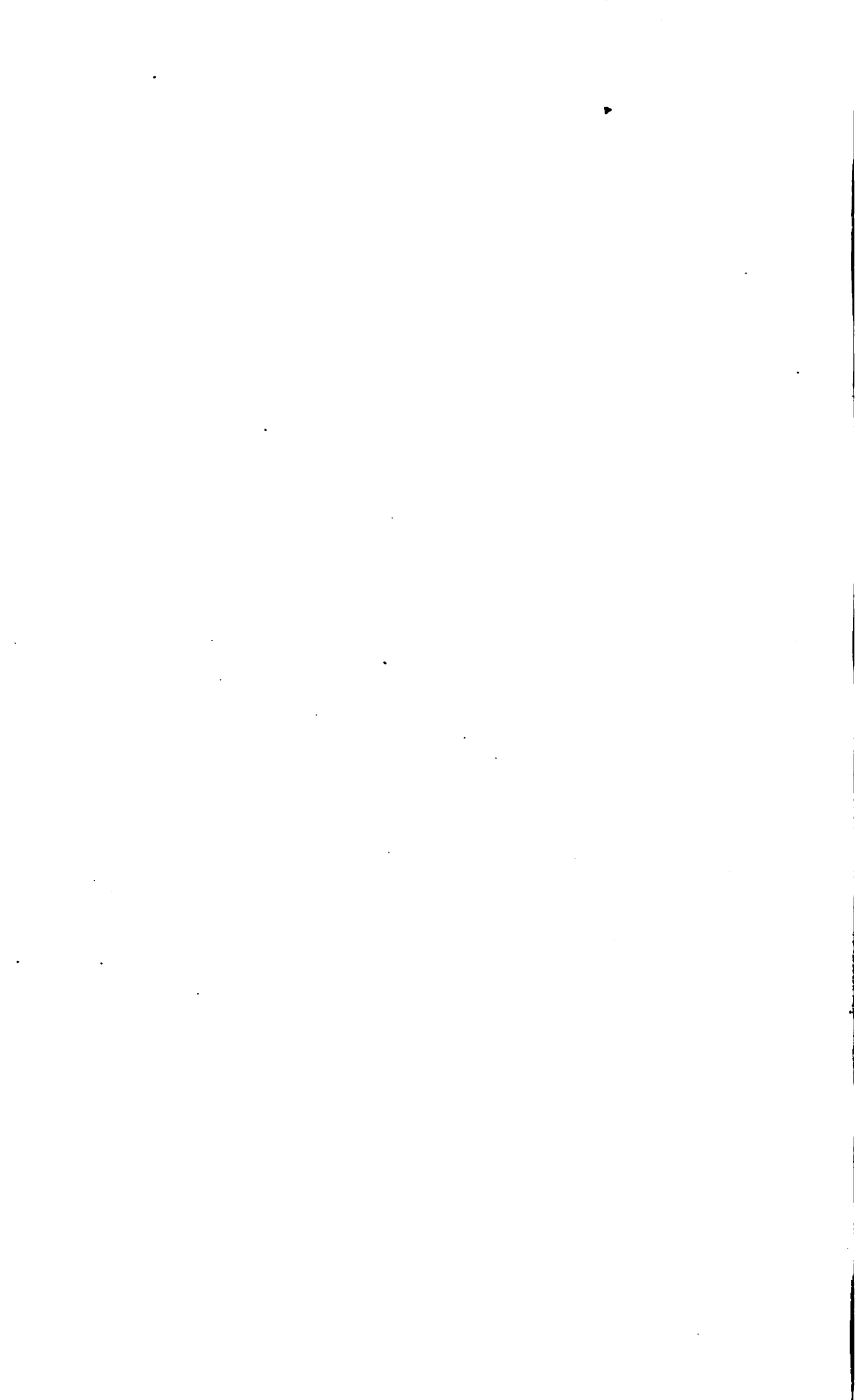
забыться и застыть,
и грезить чудо-сны,
и пить, всей грудью пить
дары молодой весны!..

Вѣна, 1900.

ОСЕННЯ СЛІЗИ.

* * *

Приходит тоскливая осень...
Ужъ шишки осыпались съ сосенъ
и плачетъ оборванный лѣсъ
по роскоши прежнихъ чудесъ.

Повсюду обронены слезы,
увяли и розы и лозы, —
природа двѣичій вѣнецъ
мѣняетъ на вдовій чепецъ.

И плачутъ небесные своды,
пращаясь съ улыбкой природы...
Рыдайте-жъ, растенья земли,
дни яснаго счастья прошли.

Нагрянуть морозы и холодъ,
скуеть красоту вашу молоть
свирѣпой, бездушной зимы,
день смеркнетъ предъ властію тьмы.

И жизнь, хоть потомъ и воскреснетъ,
лишь цѣпь леденистая треснетъ, —
не многимъ, не многимъ изъ васъ
увидѣть сей радостный часъ...

Вѣна, 1898.

* * *

Въ эти сѣрые, мрачные дни,
когда борется осень съ зимою,
когда землю сырой пеленою
застылаютъ туманы одни, —

въ эти дни, какъ не свой, я хожу,
я печалень, угрюмъ, почти боленъ,
я, какъ будто судьбой обездоленъ,
страшно тужу.

Я-же знаю: лишь тотъ въ эти дни
можетъ быть и счастливъ и доволенъ,
кто живетъ, беззаботенъ и холень,
въ тепломъ домѣ, на лонѣ родни.

А кто сирь, безъ угла, безъ тепла,
кому негдѣ пристать и погрѣться,
долженъ много тогда натерпѣться
горя и зла.

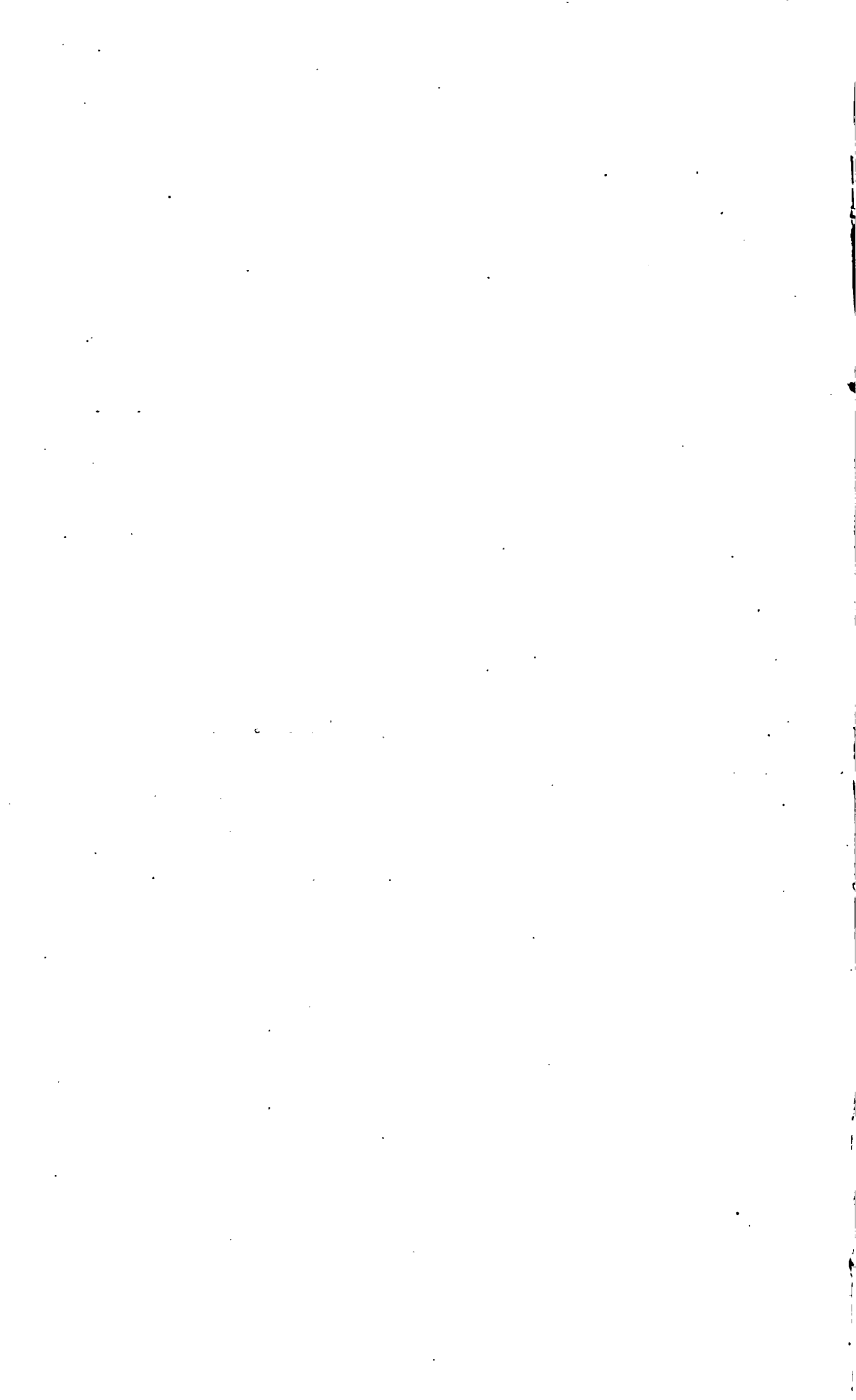
И меня, утайть не могу,
въ это тусклое время ненастья
не ждетъ тихая ласка участья,
не согрѣетъ огонь въ очагу.

Одинокій и сирый брожу
я по улицамъ грязнымъ, часами,
и по солнцу, теплѣ, временами,
страшно тужу...

Вѣна, 1895.

ПРИРОДА и ДУМЫ.

Вечерь.

Дремлетъ роца надъ прудомъ,
влага листься кростъ...
Тихо; смолкло все кругомъ,
вся природа ноеть...

Тускло блѣдная луна
свѣтитъ надъ землею,
наполняетъ мѣръ она
нѣгою и мглою.

Строенъ-строенъ миръ земли,
какъ бы въ часъ молитвы;
люди лишъ не спятъ — они
ищутъ смуть и битвы.

Львовъ, 1891.

Лунной ночью.

Ясная ночь послѣ злого ненастья
опустилась надъ сонной землей,
разлила всюду тихій покой
вѣстница мира и свѣтлаго счастья.

Тучки уставшія вмигъ разлетѣлись
и открыли глаза небесамъ;
и съ просонья они тамъ и сямъ
блескомъ стоющимъ заразъ загорѣлись...

Вотъ, скраю неба, за блѣдною дымкой,
ужъ плыветъ и царица луна,
и колеблется, видно, она,
выйти-ль изъ тучекъ, иль быть невидимкой.

Спящія нивы, луга и вершины
покрываетъ волнистый туманъ,
шелеститъ тихо-тихо бурьянъ,
взросшій на тучной, пахучей долинѣ...

Сонную тишь и безмолвье природы
нарушаетъ вдали лишь рѣка,
она плещется о берега,
съ шумомъ волнуня наплывшія воды.

Всюду, куда вы ни бросите взоры,
въ эту чудную лунную ночь,
разлита непонятная мочь
стройныхъ созвучій въ безбрежномъ про-
[сторѣ

И зарождается въ васъ поневолѣ
этой ночью сомнѣнье одно:
ужъ не лишнее вы ли звено
въ этихъ созвучьяхъ на нашей юдоли?

Дороговыжье, 1892.

Думка.

Вы видали-ль, какъ въ ночь полнолунную,
въ перегонку съ луной блѣднолицею,
безпрерывной, нѣмой вереницею
облака колесить среброрунныя, —
и то тѣни бросаютъ пугливыя,
застилая все сумрачной тайною,
то, прѣрвавшись, щелью случайною
озарятъ на мигъ нивы сонливья?

* * *

Вы слѣдите съ участливой ласкою
за игрой этой, странной, но милою,
что ни тѣнь — то тоскою унылою,
что ни свѣтъ — то волшебною сказкою
что-то въ вашей душѣ отзывается...
и приходитъ вопросъ неминуемый:
ужь не жизни-ли, рокомъ волнуемой,
небосклонъ этотъ уподобляется?...

Горыгяды, 1893.

ПЪСНИ и ЛЮДИ.

* * *

Кто въ своей жизни стиховъ не писалъ,
кто не рыдалъ на плечъ у любимой,
кто не надвѣлся, кто не мечталъ,
пылкою юностью руководимый?

Скоро, однако, стихала гроза,
зрѣлость являлась со своимъ отрезвленьемъ,
стихъ и мечта и любовь и слеза
стали казаться смѣшнымъ увлеченьемъ.

Но и не всѣмъ-же... инымъ не дано
въ жизни своей ни на часъ отрезвиться,
это избранники, имъ суждено
вѣчно любить и мечтать и томиться...

Спб. 1895.

Отщепенцу.

(Ө. М. Г-пу.)

Гдѣ ты нынѣ, другъ коварный,
гдѣ ты скрылся, какъ живешь?
Почему ужъ не поешь
такъ, какъ встарь, неблагодарный?

Онѣмѣли-ль лиры струны,
одряхлѣла-ли рука,
иль мертвящая тоска
мыслей прервала перуны?

Иль прельстился ты дарами,
тѣхъ, что твой народъ гнетутъ,
и свой неподкупный судъ
имъ ты продалъ, и словами
правды смѣлой и свободы
не откликнешься ужъ намъ?

Неужели ты „панамъ“
станешь пѣть хвалу и оды?...

Нѣтъ, не вѣрю, вѣдь-же сердце
есть еще въ груди твоей,
вѣдь не заглушили въ ней
чувства боли — иновѣрцы!?

И оно-ль не встрепенется,
видя злобу нашихъ дней,
и оно-ль въ тискахъ цѣпей
жгучей кровью не зальется?

И обиды, поношенья
нашей Руси дорогой
для него одинъ пустой
звукъ, безъ смысла, безъ значенья?

Нѣтъ и нѣтъ! разъ сердце плачетъ
у народнаго пѣвца,
золотого звонъ тельца,
роскошь брeнная что значить?

Все отдастъ онъ, обнищавый
съ лирою своею пойдетъ
межъ обиженный народъ,
голосъ обрѣтетъ бывалый —
и пѣснь грянетъ... Въ этой пѣсни
будетъ все: мольба, упрекъ,

жалоба на тяжкій рокъ,
горя плачь и стонъ болѣзни...

И пѣнь примуть, и счастливый
станеть пѣть всю жизнь пѣвецъ,
славу, счастье и вѣнецъ
онъ заслужитъ горделивый...

Такъ-ли, другъ? о, да! ты скажешь,
вспомнишь прежній вѣщій складъ,
дашь намъ пѣсенъ звонкій рядъ,
думы въ нихъ свои расскажешь...

Львовъ, 1895.

Моя пѣсня.

Я живу беззаботно,
только пѣсней своей,
и свободно, охотно
я пою для людей.

И восторги и стоны
смѣло въ ней я пою,
никакіе законы
пѣснь не сгубятъ мою...

И отважнымъ напѣвомъ
раздается она,
дыша правдой и гнѣвомъ
справедливымъ полна...

И лишь только коснется
она слуха чьего,
сердце-совѣсть проснется
въ немъ отъ сна своего...

Мнѣ-бъ лишь голосъ звучнѣе
и лишь звуки нѣжнѣй,
унялись-бы злодѣи
въ дикой злобѣ своей...

Тогда правда настала-бъ
и свобода, божусь,
и спасибо сказала-бъ
пѣвцу Матушка-Русь!

Сиб. 1895.

ТРИЗНА ПО ЮНОСТИ.

СОНЕТЫ.

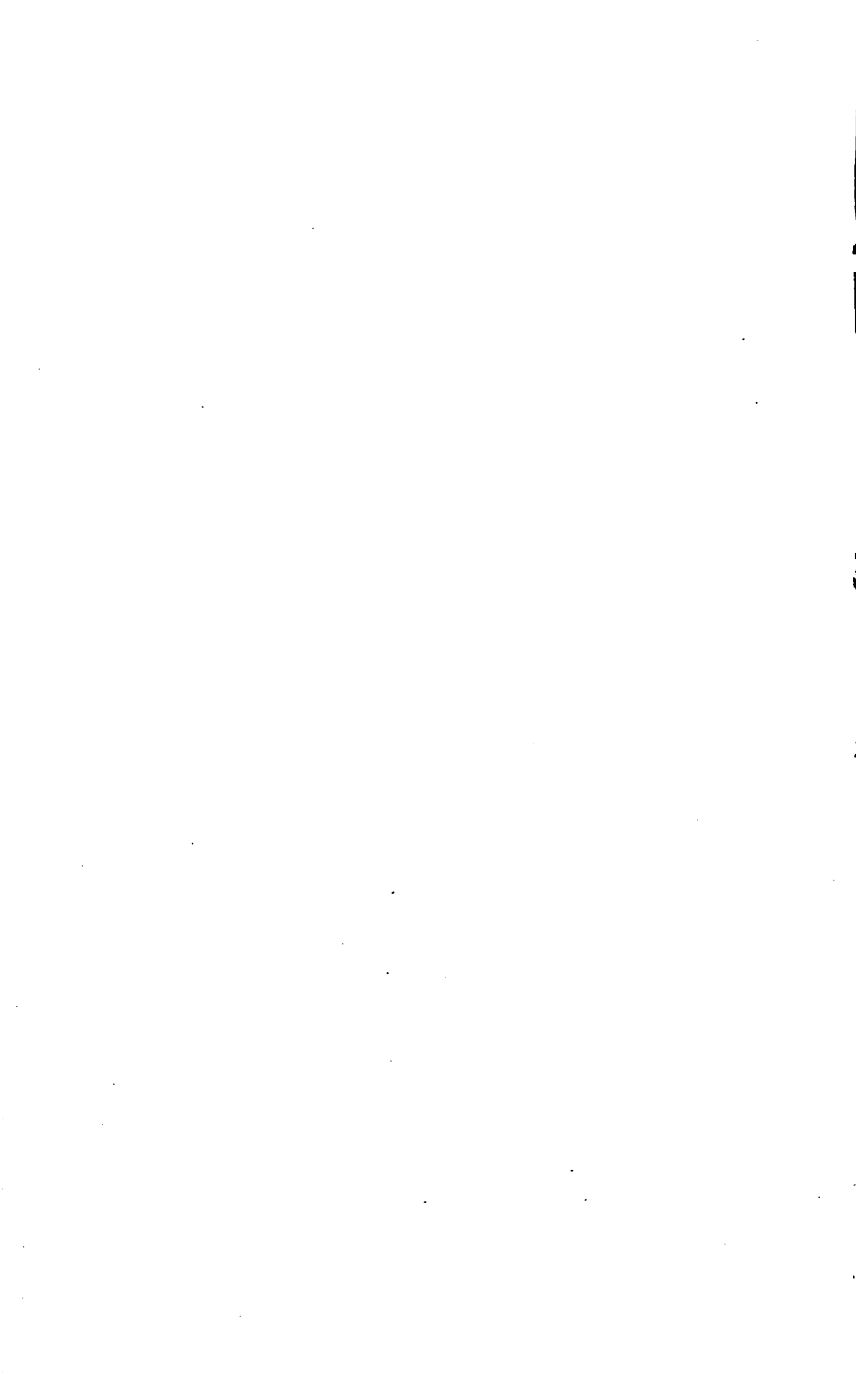
(Посвящаются Ю. А. Яворскому.)

I am proud of my father —
peasant and won't change
him for a king...

Thomas Carlyle.

„Я горжусь своимъ от-
цомъ — крестьяниномъ —
и ни за что не промѣнялъ
бы его ни на какого ко-
роля“.

Карлейль.

I.

Мени тринадцятыи мынавъ,
Я пасъ ягната за селомъ...

Шевченко.

Давно-ль, давно-ль?... о, юность золотая,
никто безъ слезъ не вспомнить о тебѣ,
кто по своей безжалостной судьбѣ
подъ тридцать лѣтъ — развалина пустая.

Гдѣ тѣ мечты?... гдѣ живость молодая?
истлѣло все то въ нуждѣ, то въ гульбѣ,
раздроблено въ житейской молотбѣ,
и жизнь горитъ едва-едва мерцаая...

И думаешь, давно-ль прошло то время,
когда съ отцемъ крестьянское я бремя
въ поту чела влачилъ-тащилъ подчасъ.

Давно-ль, давно-ль въ „полотнянку“ одѣтый,
придя дсмой съ гимназиі на лѣто,
я за селомъ коровъ голодныхъ пасъ?!

л

II.

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку...
Некрасовъ.

Пасъ коровъ я, пасъ на привязи, въ полѣ,
и все пѣсни разудалыя пѣлъ,
буря-ль выла или вихорь свистѣлъ,
я все весель, словно птичка на волѣ.

И мнѣ жаль лишь, что на нашей юдоли
такъ ничтоженъ нашъ крестьянскій
[надѣлъ,
что пасти я на долинахъ не смѣлъ,
всѣ въ жидовской или панской неволѣ.

И, бывало, вотъ коровъ ты пригонишь,
дашь имъ корму, мать доить, а ты склонишь
отъ раздумья свою голову внизъ —

и сонъ тяжкій о нуждѣ и заботѣ,
о мужицкой лютой долѣ — бѣднотѣ,
грозной тучей надо мною повисъ...

III.

Батькинъ богъ — сыну не
работникъ.

Русская пословица.

„Видишь, сынъ мой, какъ бѣда насъ гло-
говорилъ мнѣ иногда отецъ, [жетъ“,
„въ школу, милый, гни другой конецъ,
батькинъ богъ ужъ дѣтямъ не поможетъ“.

„Свѣтъ науки умъ твой приумножить,
выдешь въ люди, — отъ родныхъ сердецъ
передъ властью будешь ты истецъ,
чай, и счастье Богъ тебѣ положить“.

„А землицы нашей крайне мало,
гдѣ одинъ ветарь: трое тамъ настало,
заработокъ нашъ что?... тринь-травя“ !..

„Въ наше время руки ужъ негодны,
ихъ усилья, ихъ труды безплодны,
нынче всюду править голова“ !

IV.

Ни швецъ, ни жнецъ,
ни въ дуду игрецъ.

Народная поговорка.

И едва лишь кончались вакаціи,
я крестьянское платьѣ бросалъ,
европейскій костюмъ надѣвалъ
и шелъ въ храмину цивилизаціи.

Тамъ мнѣ часто читали нотаціи,
чтобъ не только уроки я зналъ,
но чтобъ также слегка отвыкалъ
и отъ нравовъ своей грубой націи.

Но ихъ свѣтскіе, пышные нравы,
ихъ противные жизни уставы
не внѣдрились въ сердцѣ моемъ.

И я сталъ ни пановъ приверженцемъ,
ни деревни простой отщепенцемъ --
полупаномъ — полумужиномъ!

V.

... Когда не зналъ я, что на
слово младость
Есть рифма: гадость, кромѣ
рифмы: радость.

Лермонтовъ.

Оторванный отъ отчаго занятъ,
я предался духовному труду,
и то благословлялъ свою звѣзду,
то подчасъ слалъ ей страшныя проклятья...

Я вѣрилъ въ славу, мнилъ, что всѣ мы
[братья,
что вмигъ стряхнемъ народную бѣду,
и что съ другими вмѣстѣ поведу
народъ свободный въ братскія объятъя.

Но неудачи, городская гадость,
мнѣ отравили молодую радость
и ядъ сомнѣній въ душу занесли.

И я желалъ бы отъ своей злой доли
попасть опять на отческое поле
на лоно мирное родной земли...

VI.

Другъ мой, братъ мой,
усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай
душой...

Надсонъ.

И прошли уже лучшіе годы,
закатилось уже утро жизни,
а на сердцѣ однѣ укоризны,
одна горечь прожитой невзгоды.

Не ударилъ еще часъ свободы
для народа, для бѣдной отчизны,
и готовятъ уже всюду тризны
по концѣ нашемъ вражьи народы.

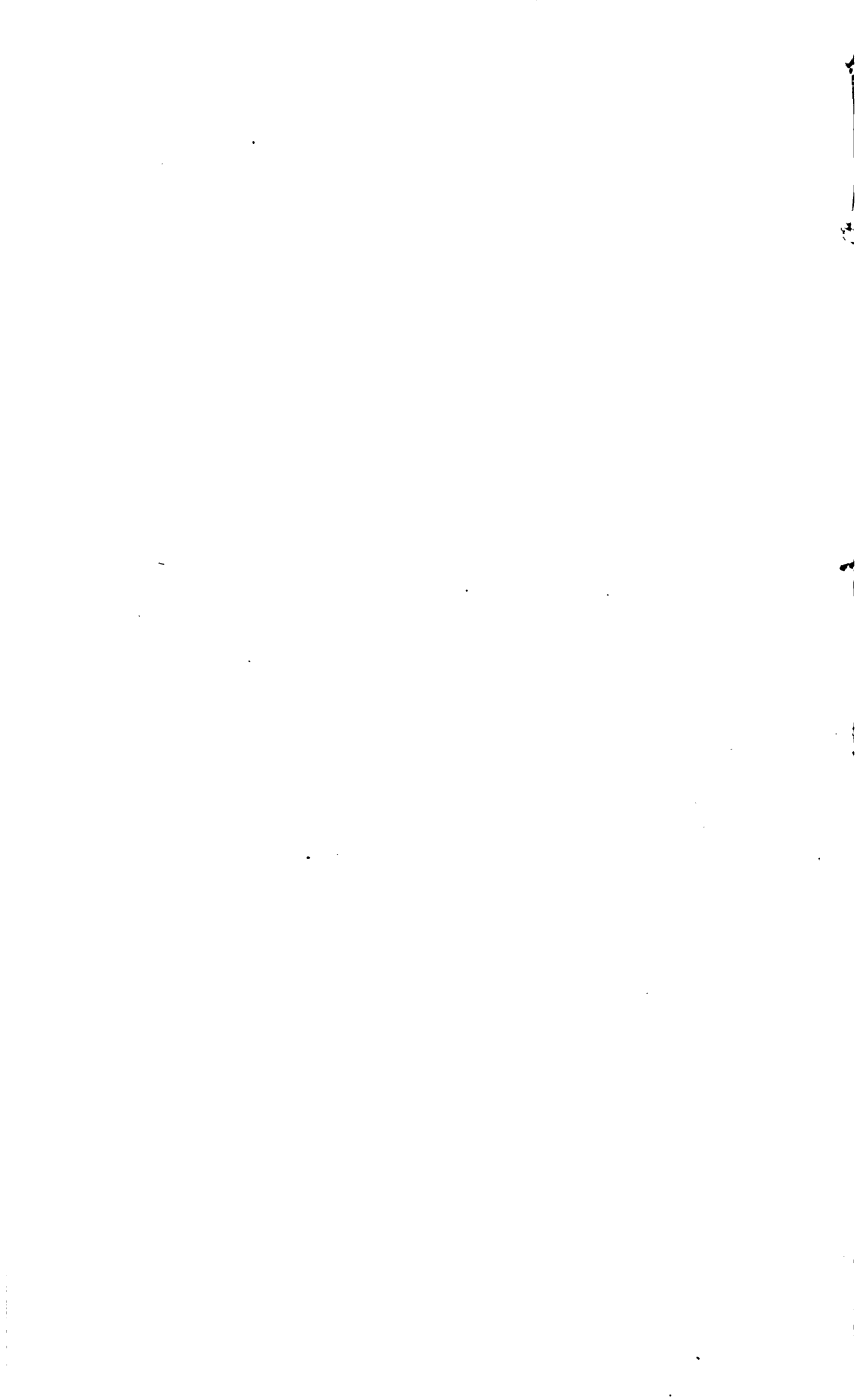
Но встряхнемъ ненавистныя цѣпи,
гуль пойдетъ по могильному склепу,
оживутъ мертвецы отъ ихъ звона.

И восторгъ этихъ чудныхъ мгновений
будетъ стоять судьбы всѣхъ гонений,
будетъ стоять и жизни урона...

Вѣна 1896.

А

БРЫЗГИ ЖИЗНИ.

ЖИЗНЬ.

О, жизнь, не стоишь ты терноваго вѣнца,
его-жь цѣной досталась отъ судьбы,
ни материнскихъ мукъ, ни горестей отца,
ни ихъ заботъ, ни частой ихъ мольбы.

Не стоишь ты развалинъ чистыхъ думъ,
схроненныхъ надеждъ, развѣявшихся
[грезь,
сердечныхъ бурь, разсыпавшихся суммъ,
ни суетной борьбы, ни выплаканныхъ слезъ.

И, жизнь, не долго-бы тебя мы берегли,
не долго-бы въ страданьяхъ изнывали,
и не задумались-бы бросить адъ земли
и отрѣшить себя отъ узъ печали,

когда-бъ не чаянье благой награды
и свѣтлой радости и дней святыхъ чудесъ,
когда-бъ не жажда истинной услады
далеко, гдѣ-то тамъ, гдѣ сннь и край небесъ.

Львовъ, 1892.

Л

Дружба.

Что дружба? легкий пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обиѣтъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства поворъ!

Пушкинъ.

Нѣтъ! дружба средь земныхъ созвучій
нѣжнѣйшій, неземной аккордъ,
простыхъ сердець союзъ могучій,
но недоступный тѣмъ, кто гордъ!

Вѣна, 1896.

Уныло и жалко влачу свои дни,
терзаясь сомнѣньемъ, безъ цѣли предвзятой,
ищу все разгадки сей жизни треклятой,
увы! на пути все колоды, все пни.

Какъ путникъ, застигнутый ночью грозой,
въ пустомъ огонькѣ видитъ якорь спасенья,
такъ часто впадалъ зря и я въ увлеченья
своей вѣчно алчущей, бурной душой.

Я часто за путь принималъ ложный слѣдъ,
но скоро являлось разочарованье,
и вновь начиналась и борьба и терзанье,
а правды желанной все нѣтъ, ахъ, все нѣтъ.

И такъ я блуждаю, теряясь всегда
въ сѣтяхъ повседневныхъ, рѣшеніяхъ
и путаюсь вѣчно въ развязкахъ случайныхъ,
а истины мнѣ и не знать никогда!

Тоска и печаль загнузданы въ груди,
нѣтъ выхода мнѣ, нѣтъ надежды,
а дни все плывутъ, безпросвѣтно, какъ
[прежде,
о, сколько ихъ, сколько еще впереди?...

Львовъ, 1892.

Въ новогоднюю ночь, 1896 г.

Каждый годъ въ эту ночь дружно пѣсни
[лились,
звонко рѣчи текли, пожеланья неслись,
молодая душа, ожиданій полна,
замирала отъ счастья, веселья, вина.

Каждый годъ въ эту ночь, въ мигъ одинъ
[роковой,
я ловилъ поцѣлуй у красы молодой,
и восторгъ и любовь окрыляли меня,
въ лучезарную даль за собою маня...

Только нынче одинъ... безъ любви, безъ
[красы,
провожу я въ тоскѣ роковые часы,
вмѣсто пѣсенъ, веселья и звонкихъ рѣчей—
тишина, тишина лишь въ конуркѣ моей...

И въ то время, какъ всѣ искрометнымъ
[виномъ,
поздравляютъ другъ друга съ родившимся
[днемъ
новыхъ думъ, новой жизни и новаго
[счастья,
я горючимъ потокомъ несдержанныхъ слезъ
хороню вереницу несбывшихся грезъ,
хороню свою юность, одинъ, безъ участья...

Вѣна, 1896.

ОБЪТЪ.

Entbehren sollst du, sollst
entbehren...

Goethe, Faust I.

Лишить себя, лишить себя всего,
ото всего земного отказаться!
вотъ истина, вотъ жизни торжество,
вотъ передъ чѣмъ нельзя не преклоняться!..

Любить, желать иль грубо наслаждаться,
пресытиться — что низменнѣй того?
И можно-ли предъ плотью пресмыкаться,
когда въ груди таится божество?!

Земное все подвержено истлѣнью,
къ нетлѣнной жизни, къ вѣчному броженью
способенъ только вѣчно юный духъ!

Его беречь, чтобъ цѣлый міръ измѣрить,
чтобъ все узнать, чему велятъ здѣсь вѣрить,
изъ тѣла-же хотъ вырости лопухъ!

Вѣна, 1896.

Тѣни.

Вокругъ меня витають злыя тѣни,
какъ будто ихъ послалъ мнѣ адъ,
и положъ свой печальный смертной сѣни
онѣ безжалостно влачатъ
на свѣтлый рой моихъ видѣній.

Хочу любить — онѣ презрѣнью учать,
страдать хочу — грѣхомъ манять,
предамся ли чему — онѣ разлучать,
вселивъ во мнѣ сомнѣнья ядъ,—
и все гнетуть и вѣчно мучать.

И всё, и начинанья, и усилья,
всѣ дни мои, всѣ сны мои
окутали подземныя ихъ крылья
и властнымъ взмахомъ отторгли
сть свѣта, счастья изобилья...

Я больше не могу владѣть собою,
на всемъ ихъ злобная печать.
Измученный терзаньемъ и борьбою,

не знаю дальше, что начать,
какъ кончить со своей судьбою?...

И тщетно я взываю о спасеньи,
напрасно въ мудрости людей,
въ кругу друзей, въ пирахъ, въ уединеньи
ищу покоя отъ тѣней:
вездѣ, всегда, все тѣни, тѣни!

Вѣна, 1896.

Могила.

(Памяти товарища).

Могила не страшна на склонѣ лѣтъ,
когда пройденъ ужъ долгій путь земной,
исполненъ долгъ, оставленъ жизни слѣдъ,
когда нужны лишь отдыхъ и покой.

Или когда въ борьбѣ съ злой судьбой,
погибло все и ужъ исхода нѣтъ,
когда душѣ, усталой и больной,
небытіе единственный исходъ...

Но, въ юности, когда душа парить,
когда кругомъ все чудеса сулить
и къ подвигамъ стремятся жизни силы,
быть сломану, по прихоти судьбы —
угаснуть вдругъ, безъ жизни, безъ борьбы,
— что можетъ быть страшнѣй такой
[могилы?!]

Вѣна, 1896.

Счастье.

Счастье, гдѣ ты, счастье, гдѣ ты?
Гдѣ тебя я ни искалъ,
все невѣрные отвѣты,
все отказы получалъ.

Нѣтъ тебя ни въ захолустьи,
на свободѣ золотой,
нѣтъ и въ бурномъ жизни устьи,
въ сутолокѣ городской.

Скучно тамъ, тутъ слишкомъ тѣсно,
мало жизнь вездѣ даетъ,
все такъ мелко, все такъ прѣсно,
что-то все недостаетъ.

Вѣрно, если исходилъ-бы
я за счастьемъ цѣлый свѣтъ,
только правду подкрѣпилъ-бы:
тамъ, гдѣ люди, счастья нѣтъ!..

Вѣна, 1897.

Истома.

Я падаю подъ бременемъ безсилья,
подъ бременемъ бездѣйствія и сна,
какъ будто-бы подрѣзали мнѣ крылья,
какъ будто-бы мнѣ воля не дана...

Во мнѣ подчасъ рождаются порывы
и что-то чудное впередъ манить,
но мигъ прошелъ — и тщетны все призывы,
и вновь душа моя спокойно спитъ...

Но сонъ-ли это? нѣтъ... — въ дремотѣ
подусознанье траты лучшихъ дней,
умъ все твердитъ о долгѣ, о работѣ,
а силы нѣтъ порвать миражъ цѣпей...

Вѣна, 1897.

Надрывъ.

(По Бодлеру.)

Въ порывѣ злобномъ самоистребленья,
узнавъ въ себѣ врага и супостата,
извѣдалъ я всю глубину паденья,
прошелъ по всѣмъ ступенямъ я разврата...

И для меня въ семь мірѣ тайны нѣтъ,
а въ мірѣ томъ ея мнѣ не узнать,
и для чего-жь беречь мнѣ жизни цвѣтъ
и для чего въ болотѣ прозябать?...

Весь шаръ земной въ безбрежности все-
[ленной,
два островка просохшаго болота
въ двухъ капелькахъ водицы посоленной!
Въ міазмахъ жить на немъ — что за охота?!

Вѣна, 1899.

Встрѣча.

Бродя по улицамъ, въ день сумрачный,
ненастный,
случайно встрѣтилъ я тебя, дитя порока.
Румянецъ вымоклый, призывъ нахальный
ока,
станъ, дрогнувшій слегка, и взглядъ без-
стыжій, властный,
вмигъ выдали тебя... Въ безсиліи могучемъ,
какъ виноватый песъ побрелъ я за тобой,
сжигаемъ пламенемъ, съ надтреснутой
душой,
побрелъ я за тобой, въ очарованьи жгучемъ...

И встрѣтились: — ты, брэнной плоти
и я — живого духа жрецъ, [жрица,
и встрѣтились: голодная волчица
и съ пѣсней на устахъ пѣвецъ!

Вѣна, 1899.

* * *

Вся жизнь моя прошла въ одной борьбѣ,
борьбѣ глухой, но ярой, беспощадной,
мой духъ рвался къ мечтаньямъ и мольбѣ,
а плоть неслась въ объятья страсти жадной.

Я рано палъ — и духъ мой изнемогъ,
когда едва цвѣтъ жизни распустился,
и часто-часто я у женскихъ ногъ
и проклиналъ и плакалъ и молился.

Молился я той непонятной силѣ,
что насъ толкаетъ въ бездну или въ рай,
что насъ ведетъ или къ славѣ или къ
[могилѣ,
молился, чтобъ не падать черезъ край...

И часто я бѣжалъ, чтобы укрыться
предъ сладострастьемъ грязнымъ насла-
чтобы наединѣ душой забыться [жденья,
во сладострастьи чистомъ вдохновенья...

Спб. 1900.

6 (18) октября 1899.

Поздравь, поздравь себя! Насталъ твой
день рожденья!

Ужъ двадцать восемь лѣтъ на свѣтѣ ты
живешь!

Взгляни во свитокъ дѣлъ и вспомни тре-
волненья, —
прожитой полосѣ итоги подведешь!

Нѣтъ, не-съ-чѣмъ, не-съ-чѣмъ мнѣ и по-
здравлять себя!

Мой свитокъ дѣлъ — пустой! судьба, не
возлюбя

меня за прошлые, за юности грѣхи.

не подожгла огня, чтобы нисать стихи —
вливать въ сердца людей любви чудесный
жаръ,

заставить биться ихъ и трепетать отъ чаръ,
заставить слезы лить надъ горькою судьбой,
въ восторгахъ замирать отъ блажности
людекой...

Не дала красокъ мнѣ, не дала словъ пѣ-
вучихъ,
не дала звуковъ мнѣ, чарующихъ, могучихъ,—
и все вокругъ меня такая муть да сѣрь,
и все мнѣ каркаетъ: презри, напльни,
невѣрь !..

Невѣрь, что есть краса и правда на землѣ,
все прахъ и тлѣнь и мразъ и все подо-
бно тлѣ,
разросшейся въ тѣни надъ высохшимъ
болотомъ, —
все пахнетъ кровію и муками и потомъ...

Вѣна, 1899.

*

*

*

Среди людей, лукавыхъ и пустыхъ,
ты потерялъ свой кроткій образъ Божій,
въ домахъ господъ, въ палатахъ распи-
[сныхъ,
ты на скота все болѣе похожій.

Года текутъ и днямъ ужъ нѣтъ возврата!
Двухъ „завтра“ нѣтъ, не будетъ, быть не
[можетъ,
и средь гульбы и рыхлаго разврата
червь времени тебя нещадно егложетъ.

Года пройдутъ и ты во мракъ людской
ни зги добра, ни счастья не заронишь,
какъ метеоръ, падучею звѣздой
въ безвременьи, истлѣвши, ты потонешь...

Вѣна, 1899.

* * *

(Посв. К. Ю. К-ву.)

Ахъ, силы воли, дайте силы воли,
и, кажется, весь міръ переверну,
а такъ, въ сѣтяхъ своей злосчастной доли,
я злюсь и рвусь и плачу и клянусь...

Клянусь тотъ мигъ, когда изъ нѣдръ все-
[ленной
меня любовь на свѣтъ произвела,
клянусь и тѣхъ, чьей похотью мгновенной
я вызванъ въ міръ для бѣдствія и зла...

Мнѣ лишь-бы власти, надъ собою власти,
чтобъ управлять кормою волевой,
чтобъ подавлять губительныя страсти,
чтобъ не идти за низменной толпой.

А власти нѣтъ, и я бреду согнувшись,
въ безсиліи захлебываюсь я,
и мига жду, когда, съ пути свихнувшись,
опять сойду во мракъ небытія...

Спб. 1900.

ЛЕПЕСТКИ ЛЮБВИ.

М. М. Р.

Ахъ, дѣва-дѣвчина,
ахъ, очи-пучина,
ахъ, щечки-калина,
а губки-малина,
зачѣмъ ты приглянулась мнѣ?

Малину смакуя,
калину помну я,
и очи цѣлуя
ужъ дно въ нихъ найду я
и самъ поселюся на днѣ...

Засохнетъ малина,
поблекнетъ калина,
изсякнетъ пучина,
зачахнетъ дѣвчина,
отъ жару, въ любовномъ огнѣ.

Вѣна, 1896.

Тоска.

Ужаль мой милый,
и плачь лишь унылый
и ~~свѣтъ~~ лишь постылый —
— вотъ участь моя!

Любовныя грезы,
увядшія розы,
горючія слезы —
отрада моя...

Мой милый вернется,
и счастье проснется,
и вновь улыбнется
мнѣ доля моя.

Другую полюбить —
себя онъ погубить,
меня-жъ приголубить
мать-сыра-земля!

Топоровцы, 1896.

Имянины.

Завтра праздникъ у меня,
завтра радость, ликованья,
и восторгъ и пированья
въ память радостнаго дня.

Завтра прочь, прочь все кручины,
прочь сомнѣній череда,
завтра горя ни слѣда,
завтра милой именины.

И лишь только зной дневной
жечь-томить насъ перестанетъ,
только подъ росой воспрянетъ
вялый цвѣтикъ полевой,

собираюсь тотчасъ въ поле
рвать цвѣты, плести вѣнцы,
выбирая первенцы
вешней мѣледи, по волѣ.

Завтра-жѣ рано, чуть заря,
трудъ мой милой поднесу я

и блаженство поцѣлуя,
можетъ быть, узнаю я.

И вѣнокъ мой пестроцвѣтный
ко груди она прижметъ,
слезы чистыя прольетъ
въ знакъ нѣмой любви отвѣтной...

А потомъ она его
сохранять годами станетъ,
и хотя давно завянетъ
дань восторга моего,

будетъ все воспоминаньемъ
чудныхъ дней, любовныхъ грезъ,
тяжкихъ думъ и горькихъ слезъ,
предъ печальнымъ разставаньемъ.

Горыглады, 1893.

М. М. Р.

Ты помнишь-ли, милая, помнишь ли горенку,
откуда такъ часто вдвоемъ
мы въ лѣтнюю пору вечернюю зоренку
встрѣчали въ восторгѣ нѣмомъ.

И звѣзды и мѣсяць тогда любовались
и слали лучи намъ свои,
внизу-же такъ славно деревья шептались,
журчали-струились ручьи.

Чего-же мигали все зоренки ясныя,
чему улыбалась луна,
о чемъ-же шушукались листья безгласныя,
о чемъ рокотала волна?

Тогда я не понималъ; любовью взволнованный,
слагалъ я природѣ хвалу,
созвучьями міра, красой очарованный,
не вѣрилъ ненастью и злу.

Теперь мнѣ все ясно: свѣтила небесныя,
ручьи и деревья кругомъ,

не вѣрили въ наши мечтанья чудесныя,
ни въ клятвы о счастья вдвоемъ...

Они говорили: вамъ скоро соскучится,
остынетъ бурливая кровь,
забудете клятвы, мечты улетучатся, —
хрупка и случайна любовь.

Вѣна, 1897.

Воспоминанье.

Мнѣ не забыть дѣхъ дней счастливыхъ,
когда средь горъ чужой страны,
на склонѣ Альновъ горделивыхъ
сбылися радостные сны
моей любви, любви случайной,
твоей любви — запретной, тайной...

Могу-ль забыть тотъ дубъ зеленый,
что средь густого ельника,
травой пахучей окаймленный,
царемъ смотрѣлъ издалика, —
тамъ, тамъ сбывлися наши грезы,
тамъ счастье сышло намъ розы...

Могу-ль забыть тотъ чудный вечеръ:
пращалось солнышко съ землей,
вдали горѣлъ альпійскій глечеръ,
а я рыдалъ, томимъ тоской...
Взошла луна — мы помирились,
въ объятіяхъ любви забылись...

1898.

Мотылекъ.

Разъ въ вечерній часъ,
лишь закатъ погасъ,
полюбилъ мотылекъ —
огонекъ...

Страстію горя,
устремился зря
онъ въ объятья къ нему
въ ночи-тьму...

Прилетѣлъ, приникъ,
въ сладострастный мигъ
хочетъ пламень обнять —
цѣловать...

Крылышки зажглись,
не поднялись въ высь,
мотылекъ рухнулъ въ грязь,
и увязъ...

Свѣтитъ огонекъ,
страждетъ мотылекъ,
и какъ прежде течетъ
жизнь впередъ .

Бруннъ, 1898.

18

Любовь.

(Отрывокъ изъ письма.)

...Любовь!.. когда-то это слово
звенѣло свято мнѣ и ново,
а нынче я въ любовь не вѣрю
и какъ другіе лицемѣрю, —
вздыхаю, голову понуря,
на сердце руку положивъ,
глаза такъ томно-томно щуря
и долу взоры потупивъ,
шепчу я страстно: дорогая,
открой-открой блаженство рая,
о, дай извѣдать чары страсти,
дай испытать небесной сласти
и упоенья и забвенья,
божественнаго наслажденья, —
и много-много пошлыхъ словъ
и звонкихъ пѣсенъ и стиховъ...

Вотъ что любовью называютъ,
вотъ какъ любовь всѣ понимаютъ!

Для нихъ священная любовь —
то взбунтовавшаяся кровь!

Для нихъ, для нихъ! а для меня
то горнъ былъ чистаго огня,
безъ вождельнй, безъ желанй,
безъ ненасытныхъ упованй...
То былъ лишь рой волшебныхъ грезъ,
потокъ нѣмыхъ, незримыхъ слезъ,
надеждъ туманныхъ вереница,
цвѣтовъ роскошныхъ колесница...
Не выразить языкъ, нѣтъ, нѣтъ,
что чувствовалъ тогда поэтъ!

Вѣна, 1900.

Въ вагонѣ.

Итакъ одинъ... И снѣжныя поля,
томящія своимъ однообразьемъ,
и голыя, безлистныя деревья,
и однозвучный мѣрный стукъ колесъ —
мнѣ все твердятъ: одинъ, одинъ, одинъ...

Забыться-бы! забыться нѣту мочи,
передомной все тѣже-тѣже очи,
я вижу блескъ ихъ ласковый и нѣжный,
и душу вновь потрясъ порывъ мятежный.

И вновь и вновь переживаю я
прощальное пожатіе руки,
непойманный, пугливый поцѣлуй,
последніе-и жесты и слова.

Колеса все стучать: одинъ, одинъ, одинъ,
и подтверждаетъ то и бѣлый снѣгъ равнинъ,
и вѣтви голыя, и черныя стволы,

и хвои хмурья, безъ соку, безъ смолы,
неровный сердца стукъ, глухой и безот-
[вѣтный,
и мыслей-мыслей рой, докучный и не-
[смѣтный...

А такъ-ли давно и она здѣсь сидѣла,
съ любовью, съ тоскою мнѣ въ очи глядѣла,
свѣтилась въ нихъ нѣга и вѣра и ласка,
въ душѣ отзывалась забытая сказка...

И я напѣвалъ ей: родная моя,
умчимся со мною въ другіе края,
тамъ солнце уже пробудило весну,
тамъ я въ море нѣги тебя окуну,
и стану и пѣть и любить и трудиться
и стану съ врагами безъ отдыха биться,
и вмѣстѣ съ тобою, тобой окрыленный,
войду я въ храмъ славы, вѣстунъ вдохно-
[венный...

.
.

Теперь я чувствую, я знаю,
что любящей, надежной вѣрой,
надежною и вѣрною любовью,
и вѣрною, любовною надеждой,
она меня повсюду осѣняет...

Я ощущаю ужъ теперь ея дыханье,
я больше не одинъ, она, она со мною!
(), мчися, поѣздъ, мчися съ птичьей бы-
[стротою,
подъ мѣрный стукъ колесъ, поды шумъ
[и колыханье,
въ мечтаніяхъ о ней какъ сладостно засну я,
съ улыбкой на устахъ о раѣ поцѣлуя!

1901.

В. Н. Н.

Когда я думаю о васъ,
мнѣ все мерещится подушка слезъ
на дѣвичьей кровати бѣлой,
илъ кусть увядшихъ розъ,
или цвѣтникъ оледѣнѣлый,
что утренникъ-морозъ
сразилъ въ злосчастный часъ...

Но средь печальныхъ думъ
кровь брызнетъ къ сердцу молодому
и ужъ къ участию живому —
способенъ умъ...

И хочется, чтобъ солнце засіяло,
чтобъ спало мрака покрывало,
чтобъ высохла подушка слезъ,
чтобъ утренникъ-морозъ
былъ побѣжденъ сіяньемъ свѣта,

чтобъ, ласкою его согрѣты,
сиять и розы разцвѣли,
чтобъ слова ожилъ и цвѣтникъ,
печезъ горючихъ слезъ родникъ,
чтобъ вы дни въ счастья провели...

Спб. 1901.

Увядшіе листьа.

(Слова къ романсу.)

Любовной грусти слезы
не могъ я подавить,
взялъ листьа бѣлой розы,
чтобъ ей тоску излить.

Чѣмъ сердце наболѣло
и какъ изныла грудь,
на листьяхъ розы бѣлой
успѣлъ я ей черкнуть...

Надежду и сомнѣнья,
и тайной страсти пылъ,
и муки и томленья,
и какъ любилъ — любилъ!

Но только написалъ я,
завяли лепестки
и такъ и не послалъ я
ей исповѣдь тоски.

И съ листьями увяли
всѣ лучшія мечты,
зачахнула въ печали
и дѣва красоты.

Съ тѣхъ поръ при видѣ розы
и нѣжныхъ лепестковъ,
изъ глазъ мнѣ брызжутъ слезы
невысказанныхъ словъ...

Вѣна, 1901.

Женщина.

— Что женщина? — сказалъ поэтъ,
— орудье зла, ошибка Бога! —
— Зато она, — смолчавъ немного,
сказалъ артистъ, его сосѣдъ, —
— изъ всѣхъ божественныхъ ошибокъ —
божественнѣйшая ошибка! —
И смолкъ язвитель шибко-шибко,
среди торжествующихъ улыбокъ...

Вѣна, 1901.

РОДНЫЯ СКОРБИ.

Съ Днѣстра.

Вы слышали, я чай,
про карпатскій нашъ край
ненаглядный?

Да знакомъ-ли народъ,
что въ томъ краѣ живетъ
безотрадный?

Не опишешь красы
русской сей полосы
подкарпатской,
Но нельзя найти словъ
передать гнетъ оковъ,
муки адской...

Чудо тамъ и луга
диво рѣкъ берега
и дубравы,
да среди красоты
все лачужки, плоты
и муравы.

Соловей каждый годъ
въ рѣчныхъ рощахъ поетъ
диво-пѣсни,
ему-жъ вторять изъ хатъ
пѣсни горя подъ-рядъ,
стонъ болѣзней...

Тамъ такъ часто теперь
Днѣстръ гуляетъ безъ мѣръ
многоводный,
ухудшаетъ бѣду,
умножаетъ нужду,
воплъ народный...

А смирится рѣка,
катить волны слегка
въ сине-море,
безфутѣшный народъ
съ тихой скорбью несетъ
свое горе...

Что ни годъ, все сильнѣй
гнетъ народныхъ цѣпей
и недоля,
съ вѣчнымъ рабства клеймомъ
мы покорно несемъ
стыдъ-неволю...

И едва-ли дождусь
я свободы отъ узъ,
и родную
я увижу зарю,
я свободной узрю
Русь святую.

Горыгяды, 1892.

Молодое поколѣнье.

Нѣтъ, нѣтъ, не тщетно, не напрасно
ждать молодое поколѣнье
отъ будущаго ежечасно
великихъ, свѣтлыхъ откровеній.

Оно томится и тоскуеть,
волнуется не безъ причины, —
его несказанно бичуетъ
безцвѣтность — бичъ лихой години.

Чему, чему-жъ ему отдаться?
вездѣ корысть, и кривды, злоба,
за что-жъ, за что-жъ ему приняться,
за что быть жертвою до гроба?...

Нельзя вѣдь отъ поры холодной
ждать ни тепла, ни блеска свѣта,
а быстро, чередой бесплодной,
идеть-идеть за лѣтомъ лѣто...

И молодежь молчить, но часть,
что мигъ придетъ, тотъ мигъ желанный,
когда лучъ правды заблестаетъ
какъ гость внезапный и неожиданный,

и предъ зарею откровений
зло и неправда содрогнется, —
тогда рядъ щѣлыи поколѣний
въ пучину дѣла окунется...

Вѣна, 1894.

* * *

Всюды добре, а дома найлѣпше...
Малорусская пословица...

Вы знаете-ль мою страну,
мою Галичину родную,
вы знаете-ль ея весну,
весну полудня золотую?

Красы ея пышнѣ, ярче,
душистѣ ея цвѣты,
лучь солнечный свѣтлѣ, жарче,
сочнѣ злаки и листы.

Тамъ наливнѣй и жита колось,
блестящѣ небесъ роса...
Зато тамъ глуше правды голосъ,
зато горячѣ слеза ..

Но среди горя, зла и бѣдъ,
тамъ мнѣ дорожке жизнь родная,
тамъ всѣ свои, тамъ лучше свѣтъ,
тамъ солнце нѣги, нѣга рая...

Спб. 1895.

Къ „зеленой“ Руси!

(Посвящается русскому студенческому обществу
„Карпать“ въ Черновцахъ.)

О, буковинская земля,
зеленорусскій край,
твои лѣсы, твои поля,
вѣдь это сущій рай!..

Карпать хребетъ сторожевой
и Черемошъ и Прутъ
старинный русскій обликъ твой
отъ вѣка берегутъ.

На всей Руси нѣтъ стороны
тебя богаче, краше,
могли-бы, вѣрь, твои сыны
купаться въ полной чашѣ...

Но отчего-же каждый годъ
и Черемошъ и Прутъ
въ струяхъ своихъ бурливыхъ водъ
все столько слезъ несутъ?!

И отчего въ поляхъ твоихъ
не слышны счастья звуки,
а стонъ стоитъ страданій злыхъ
и горестей и муки?

О, буковинскій русскій край,
я знаю твой отвѣтъ,
въ тебѣ есть все, чѣмъ пышенъ рай,
лишь русской правды нѣтъ.

Давно-давно ее въ полонъ
похитили, родную,
внесли въ тебя чужой законъ
и волю, да чужую...

Съ тѣхъ поръ Карпатъ все слезы льеть,
а Черемошъ и Прутъ
тѣ слезы горя и невзгодъ
все на востокъ несутъ...

И думаетъ Карпатъ сѣдой,
что лишь съ востока солнце
намъ озаритъ народъ родной,
едва блеснетъ въ оконце —

въ мигъ высушить потоки слезъ,
прогнать и ненастье,

придетъ пора завѣтныхъ грезъ
и русской правды счастье!..

Не плачь, не плачь, родной Карпать,
ужь солнце недалеко,
открылъ на горе брата братъ
недремлющее око!..

Черновцы, 1897.

Изъ „Рабскихъ пѣсенъ“

Святополка Чеха.

Пѣснь 12.

Злѣйшее проклятье рабства,
худшій нашъ недугъ —
не неволя, не вериги,
нѣтъ — но рабскій духъ!
Вы взгляните: сколько гною,
сколько мрази въ нашемъ строѣ?
Что за мерзости гнѣзятся,
что за гнусности вершатся,
что за гады
предъ чужими ползать рады,
на своихъ же ропщутъ вслухъ!

Вотъ тотъ рабъ: онъ какъ смотритель
тутъ приставленъ къ намъ,
какъ насъ мучить, какъ терзаетъ
этотъ подлый хамъ!

За кусокъ ничтожный хлѣба,
продаетъ онъ душу, небо,
и какъ гнусная скотина
ловить взгляды властелина,
 чтобъ скорѣе
драть насъ, мучить — и больнѣе,
стократъ хуже, чѣмъ врагъ самъ!

Вотъ другіе: тѣ ужъ свыклись
съ этимъ рабствомъ такъ,
что сгибаютъ сами спину,
чтобъ хлесталъ ихъ врагъ!
Тѣ къ нему стремглавъ несутся,
хоть къ одеждѣ прикоснуться,
сыпать розы подъ тѣ ноги,
что ихъ топчутъ средь дороги;
 ихъ отрада —
удостоиться хоть взгляда,
лобызать хоть вражій шагъ!

А иные въ вѣчныхъ ссорахъ
и грызнѣ живутъ,
чтобъ врагу пріятнѣй было,
тѣ другъ друга бьютъ!

Братъ на брата шлетъ доносы,
на раба рабъ точить косы,

тѣ извѣтомъ, ябедами
губятъ лучшихъ всѣхъ рядами;
 верхъ ихъ счастья —
видѣтъ жертву чужевластья,
какъ ее на казнь ведутъ!

Ну и что-жь? Съ людьми такими
можно-ли мечтать
о свободѣ и о волѣ
и къ борбѣ взывать?!

Вѣдь нигдѣ святое дѣло
совершиться не успѣло,
гдѣ царятъ — измѣна, ссора,
мелкихъ, злобныхъ трусовъ свора!

 И покуда
Богъ согласья не дастъ чуда,
все намъ въ рабствѣ изнывать!

Вѣна, 1898.

Въ тюрьмѣ.

О, время, время, призрачное время,
на волѣ я не замѣчалъ тебя,
а здѣсь ты, всѣ мои мечты губя,
мнѣ пыткой гнетешь больное темя.

Тутъ день иль часъ — что гири на часахъ,
тутъ утро, вечеръ, все одно и то же,
о, сжался Боже, сжался милый Боже,
понукай солнце въ міровыхъ бѣгахъ.

Лсжатся тѣни, день ужъ догораетъ,
слетѣлись птицы за заборъ острога,
читать молитву, славословить Бога
за хлѣбъ насущный, что имъ посылаетъ.

Вотъ на рѣшетку моего окна
усѣлась цара юркихъ воробьевъ.
Какъ затрепали! я рыдать готовъ,
я знаю, чѣмъ бесѣда ихъ полна.

Но въ двери стукъ... очнись... пора на нары,
дозоръ смѣненъ, въ „Іудиномъ“ окошкѣ
блестить злой глазъ, затъмивъ огонь изъ
[плошки,
и ждетъ и ждетъ... все чаще стукъ, удары...

Иду, иду ужъ спать, иду на пытку...
слетайтесь исчадья темной ночи,
клопы и тля, теперь я въ вашей мочи,
пируйте до утра, до преизбытку...

Терзайте-же, я презираю васъ,
мнѣ сладки муки за родное племя,
бѣги иль стой, безжалостное время,
мнѣ все равно, что сутки, что и часъ.

Вѣна, 1897.

На балу.

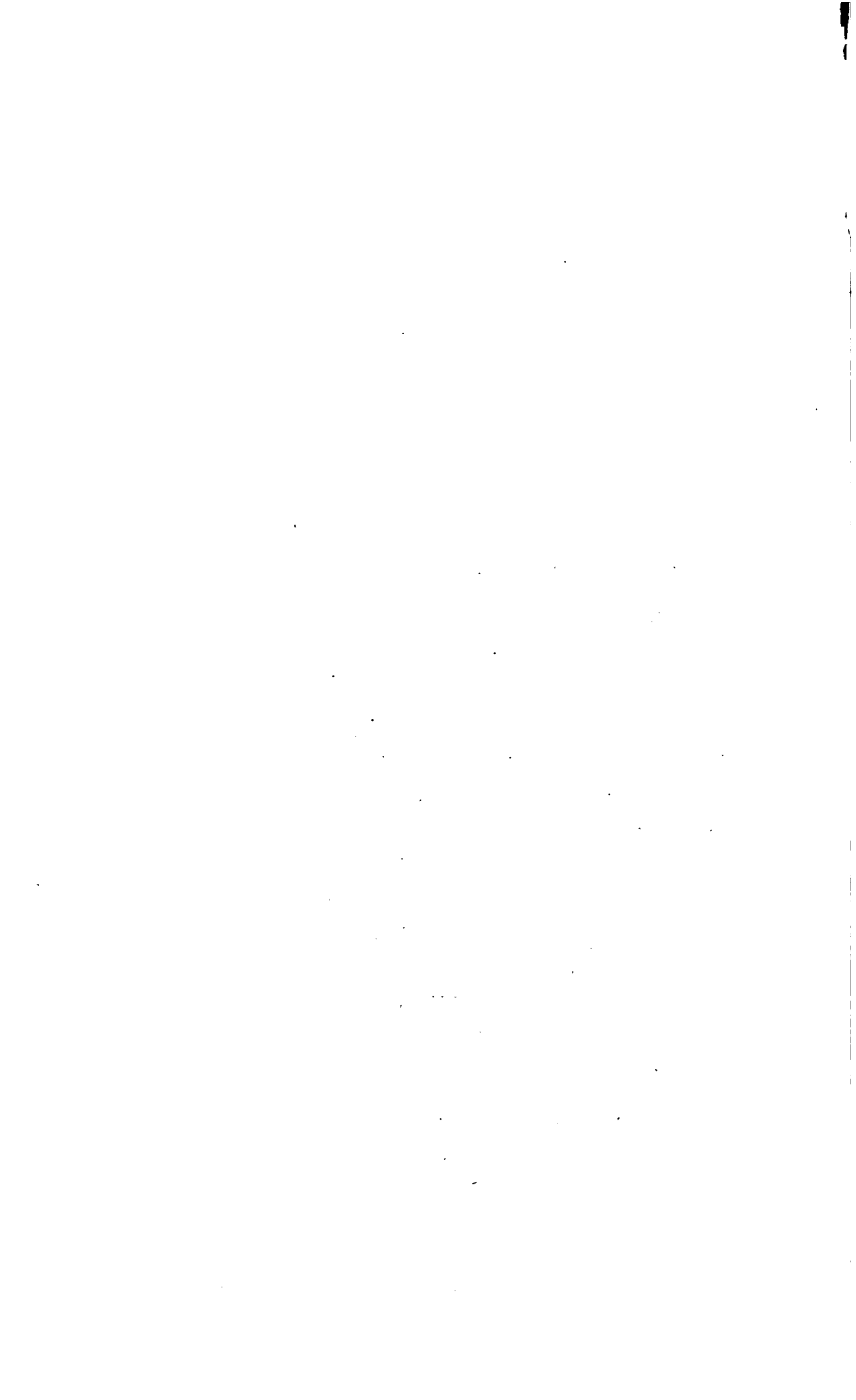
Повсюду шумъ, повсюду хохоть,
стукъ каблуковъ, музыки грохоть,
и оживленье и веселье,
великосвѣтское бездѣлье.

Тутъ веселятся дармоѣды,
а тамъ — вдали, въ родной Россіи,
болѣзни, морь, лишенья, бѣды,
борьба съ ударами стихіи.

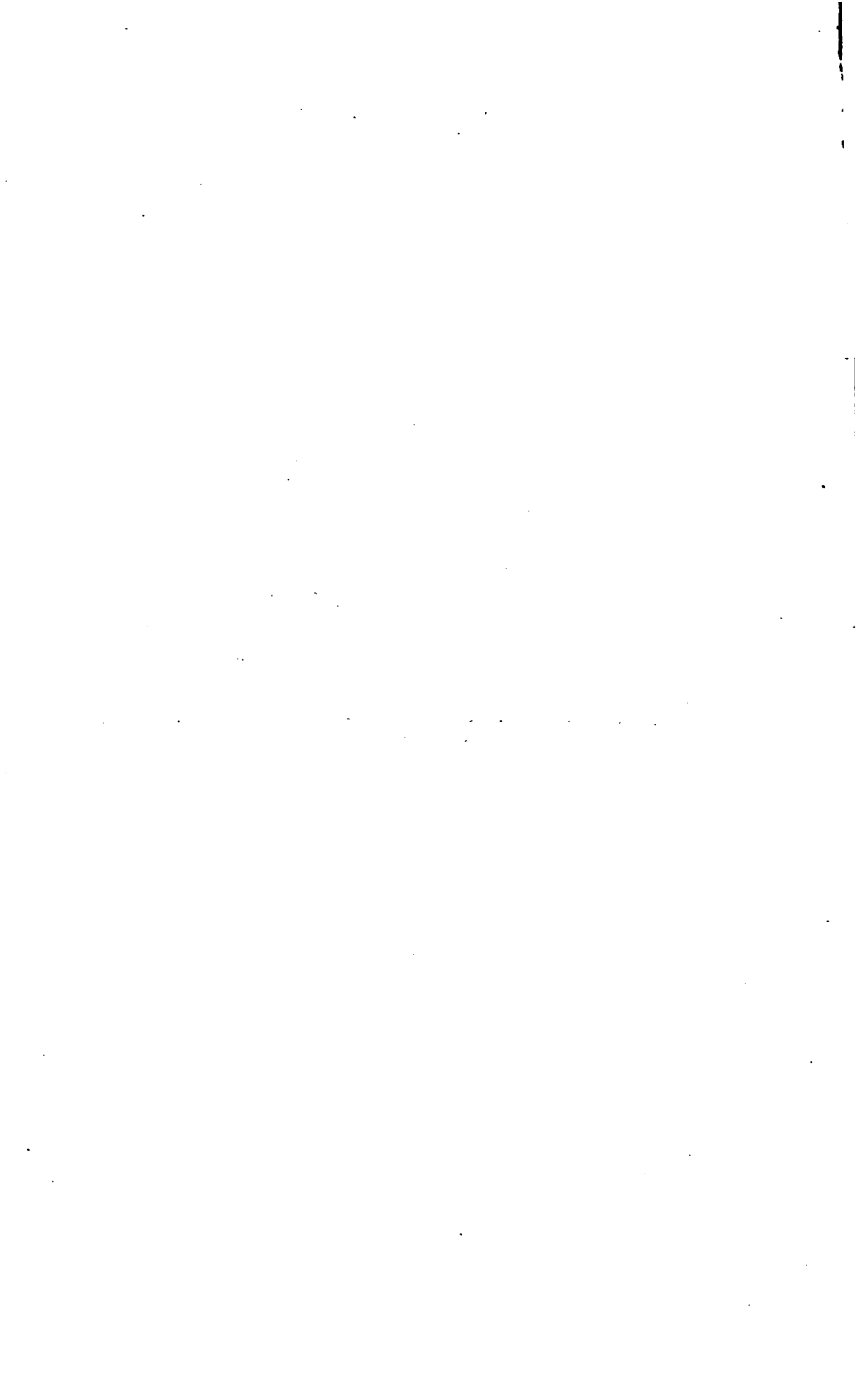
Какъ тяжело подъ эти звуки
вообразать нѣмыя муки,
страдальцевъ дальнихъ и родныхъ,
и изможденныхъ и больныхъ,
что несмотря на вѣчный трудъ
отъ голоду, какъ мухи, мрутъ,
кляня всѣхъ сытыхъ и глухихъ
и въ безсердечіи нѣмыхъ,
а можетъ быть, прощая насъ,
во имя Бога — въ смертный часъ...

Вѣна, 1898.

БОЕВЫЕ КЛИЧИ...

Народной учительницѣ.

Идете вы на подвигъ трудный,
на подвигъ просвѣщенья,
и, можетъ быть, порывъ вашъ чудный
сулитъ вамъ лишь лишенья...

Но, все преграды презирая,
среди слезъ и бѣдъ идите смѣло.
и родина, благословляя,
вѣнчаетъ васъ на ваше дѣло.

Вѣна, 1900.

С. С.

Безчувственность.

(Послѣ кровавыхъ галицкихъ выборовъ 1897 г.)

Безчувственность, вотъ кара, вотъ нашъ
бичъ!

Ни вопль, ни кровь, ни вѣщей правды
кличъ —

впередъ, къ добру, — не трогаютъ людей;
они глухи, хоть мучь ихъ, рѣжь и бей!..

Ударъ кнута — для нихъ лишь ласка
власти,

судъ и тюрьма — лишь усмиренье страсти,
убійство, казнь -- лишь жертва для по-
рядка,

неволя ихъ мила имъ, любя, сладка...

Рабы, рабы! когда-жъ укоръ — позоръ
воспламенить вашъ окаянный взоръ,
когда-жъ, когда на рѣзмахъ палача
отвѣтить

Вѣна, 1897.

НОВЬ.

(По случаю кровопролитныхъ галицкихъ выборовъ.)

L'idee s'inaffiano col sangue.
Malatesta.

Лишь кровь проливайте, крови не жалѣйте,
за правду-ль, за кривду-ль — крови больше лейте !

Она, протекая дорогой тернистой,
уже унавозить сушь почвы скалистой.
Она утучнить оскудѣвшія силы
и тамъ, гдѣ теперь лишь кресты да могилы,
тамъ жизнь воскреситъ благодатное время,
взрастетъ невзначай оброненное сѣмя,
посѣвы въ ростки, ростки въ стебли и въ
колосъ, —
не сможетъ еще посѣдѣть даже волосъ,
какъ выростетъ метитель изъ пролитой
крови,
подъ именемъ страшнымъ — невиданной
НОВИ !..

Вѣна, 1897.

За Русь, за Русь!

(Слова къ студенческому маршу.)

Посвящается русскому студенческому обществу
„Буковина“ въ Вѣнѣ.

За Русь, за Русь, святую Русь,
впередъ на бой, никто не трусь...
Идетъ нашъ вѣкъ — любви, добра,
впередъ-же Русь, ура, ура!..

Лѣтъ тысячу былъ вѣкъ романскій,
вторую тысячу — германскій,
а третья тысяча пришла —
тутъ насъ судьба ужъ призвала,
ура, нашъ вѣкъ русско-славянскій...

Идетъ нашъ вѣкъ любви, добра,
впередъ-же Русь, ура, ура!

На нашемъ знамени — народъ,
мы дружно съ нимъ идемъ впередъ,
народъ Богдана и Петра,
святая Русь, ура, ура!..

Онъ побѣдилъ мѣръ басурманскій,
сберегъ намъ свѣточъ христіанскій,
горя любовію святой
за братьевъ жертвовалъ собой,
ура, народъ русско-славянскій!

Идетъ нашъ вѣкъ любви, добра,
впередъ-же Русь, ура, ура!..

Могучъ былъ Римъ — его рабовъ
очеловѣчилъ свѣтъ Христовъ,
но ненасытный капиталъ
людей въ ярмо вновь заковалъ...

И кто-же имъ вернетъ свободу,
кто правду дастъ людскому роду?
Лишь тотъ народъ, что въ жертву кровь
несетъ за братство, за любовь,
вотъ жребій русскому народу!

Идетъ нашъ вѣкъ любви, добра,
Славянство — Русь, ура, ура!

Вѣна, 1897.

Къ „Живому Слову“.

Привѣтъ тебѣ „Живое Слово“,
и пожеланье: „въ добрый часъ“!
среди безмолвія родного
ты къ новой жизни будишь насъ...

Вдохни-жь въ извѣрившихся вѣру,
заглохшихъ въ снѣжкѣ пробуди,
измѣннику и лицемѣру
упрекъ народный ты тверди!

Завѣты предковъ воскрешая,
ты насъ туда веди впередъ,
куда отъ края и до края
стремится русскій весь народъ.

Прочь всѣ преграды и препоны!
Вѣдь въ царствѣ духа нѣтъ преградъ,
пусть Русь услышитъ наши стоны
и пусть надъ братомъ плачетъ братъ.

Скорбя объ участи суровой,
ты намъ въ грядущемъ укажи
хоть призракъ счастья жизни новой,
безъ гнета, безъ мертвящей лжи...

И мы, увидѣвъ лучъ свободы,
помчимся дружно за тобой
и одолѣемъ всѣ невзгоды
и обновимъ нашъ край родной...

Вѣна, 1899.

Славянская стража на Дунаѣ.

Къ Дунаю, славяне, къ Дунаю,
къ исконнославянскому краю
всѣ помыслы ваши несите,
 въ завѣтномъ бою
 за долю свою
вы съ помощью братьямъ спѣшите.

Вѣдь тамъ колыбель нашей славы,
гнѣздо тамъ славянской державы,
при Самъ-Царѣ праотцы наши
 тамъ бились съ врагомъ,
 хранили свой домъ
и пили славянскія чаши...

Царь Самъ имѣлъ трехъ сыновей,
трехъ истинныхъ богатырей,
ихъ прозвища: Чехъ, Ляхъ и Русь.
 Умирая отецъ
 завѣщаль свой вѣнецъ,
тому, кто не вынесетъ вражескихъ узъ.

И братья пустилися въ міръ,
свобода ихъ вѣчный кумиръ,
и бьются съ тѣхъ поръ безъ конца
за имя, за волю,
за лучшую долю,
за гордый завѣтъ ихъ отца!

Забыли сыны о Дунаѣ,
иныя нагрянули стаи
и заняли прадѣдовъ нивы,
но съ давнихъ временъ,
сзываетъ насъ звонъ,
туда, гдѣ Дуная разливы.

Тамъ грянетъ послѣдній нашъ бой,
давно предрѣшенный судьбой,
въ томъ нами оставленномъ краѣ,
и тамъ ужъ стоитъ
и братьевъ манить
славянская стража Дуная...

Спб. 1901.

Въ Дубровникѣ.

(Экспромтъ на островѣ Локрумѣ предъ собравшимся славянскими гостями.)

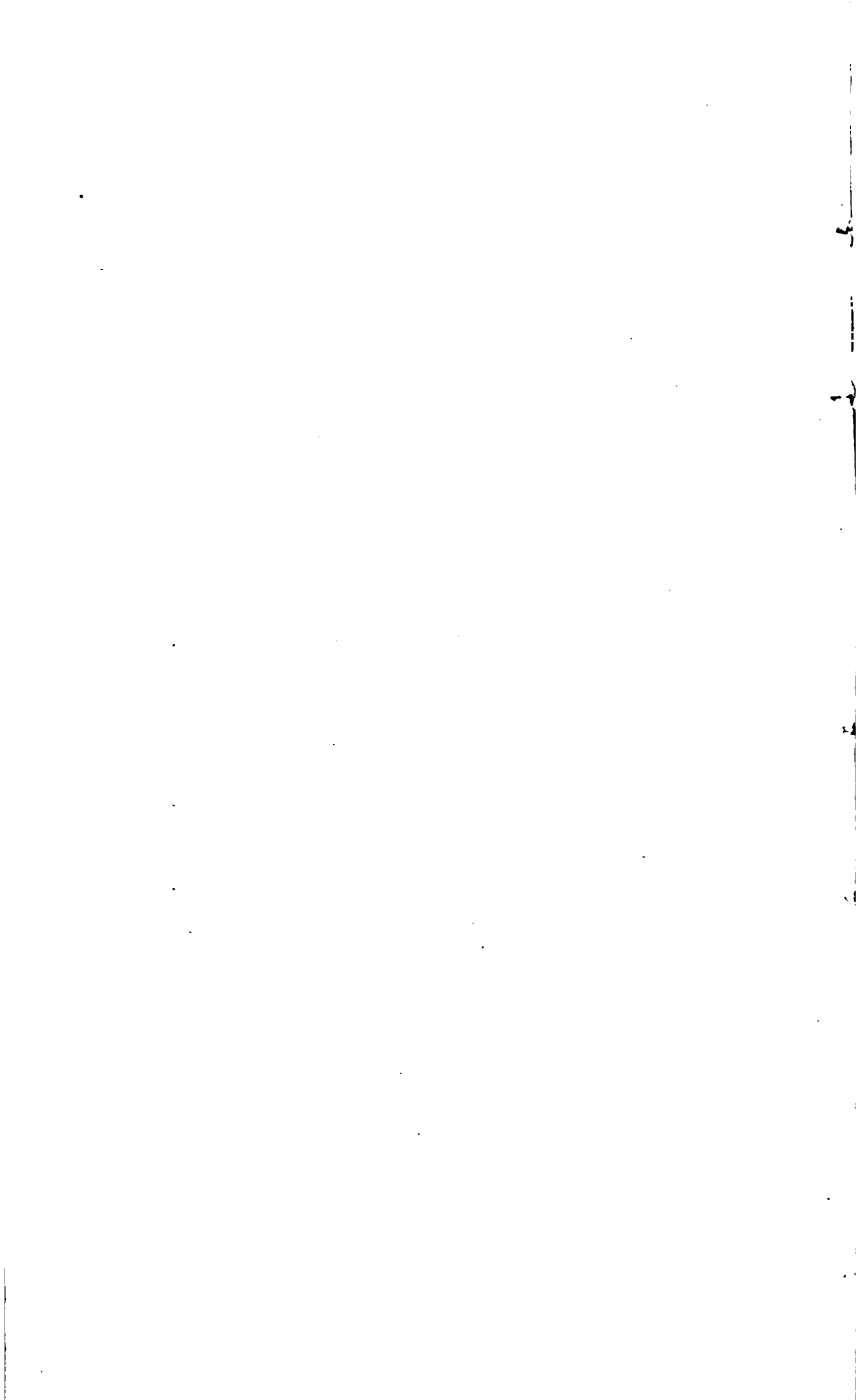
Дубровникъ ясный! вешняя природа —
въ тебѣ все дивно — зелень, воздухъ, море,
и только, горе, ахъ, большое горе,
недостаетъ лишь: гордая свобода!

Но лишь сдружитесь, братья-воеславыне,
и заиграетъ это Сине-море,
и мы разсѣмъ вѣковое горе,
и мы залечимъ вѣковыя раны,
и все свободны будемъ — гей славяне...

Локрумъ, 1901.

ВИДѢНІЯ.

Казаци.

„За вѣру, за народъ“ !.. послѣдній разъ
крестомъ благословилъ козацкій попъ
благочестивыя войска... тотчасъ
рать двинулась... раздался конскій топъ
по низовымъ украинскимъ шляхамъ...
Впередъ, впередъ, гибель палачамъ !

Впередъ, на выручку несчастнымъ братьямъ,
замученнымъ свирѣпыми панами,
дать волю мести, карѣ и проклятьямъ,
открыть народный судъ надъ палачами !
Впередъ, впередъ, какъ соколы степные,
летятъ на брань казаки удалые...

И страхъ объялъ вельможныхъ „королять“,
дружины ихъ къ казакамъ пристають,
и съ ужасомъ они въ костель спѣшатъ
и Dies irae съ трепетомъ поютъ.
Органъ гудитъ по днямъ и по ночамъ,
извнѣ-же вторитъ крикъ : смерть палачамъ !

Пожаръ... рѣзня... народная расправа,
— кто трижды крестится, тому пощада,
— кто нѣтъ, тому конецъ, — вопить орава.
И въ назиданіе вблизи посада
повѣшены собака,
подъ надписью: то вѣра одинака...

Вѣна, 1899.

Видѣніе.

Когда во глубь вѣковъ грядущихъ
вперяю свой пытливый взоръ
и въ привидѣніяхъ ветающихъ
судьбы читаю приговоръ —
судьбу народовъ и племенъ
и отдаленнѣйшихъ временъ,
я за славянство не страдаю,
я вижу чудный рядъ картинъ
и въ умиленьи восклицаю:
я славянинъ, я славянинъ!

* * *

Надъ полумѣсяцемъ Софіи
блестить турецкая заря
и не дастъ заснуть Россіи
и будить русскаго царя...

И разъ послѣдній посылаетъ
свои полки полночный царь,
опять въ крови востокъ пыластъ
и землю всю объялтъ пожаръ...

Но, чу! въ Босфорѣ слышны крики,
урра, побѣдные бойцы!
и гимнъ славянскаго владыки
звенить-звенить во всѣ концы...

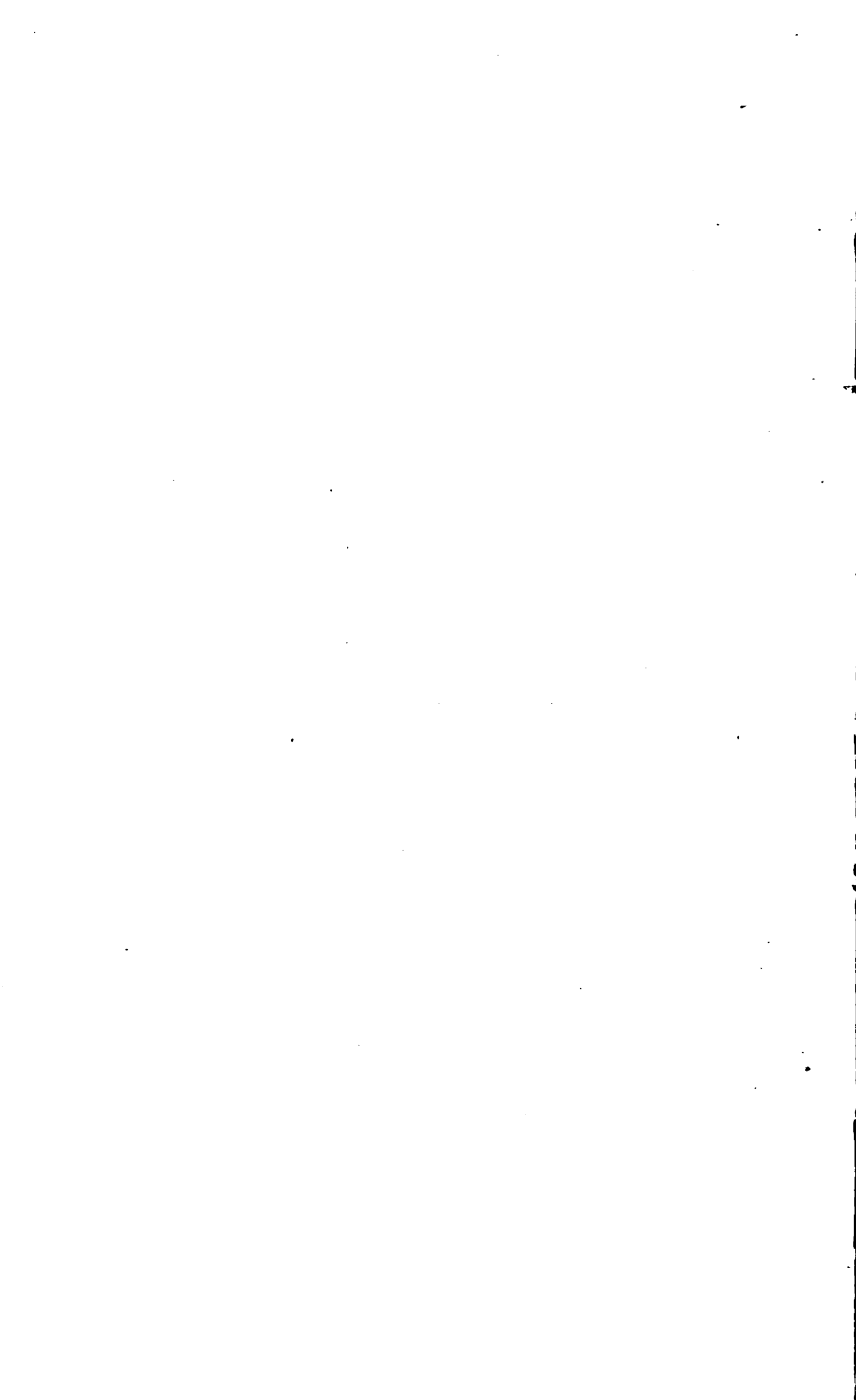
И вотъ на куполь величавый
ползуть какъ мухи казаки,
остановились дѣти Славы,
стоятъ, какъ вкопаны полки...

Лишь мигъ — смѣльчакъ ужъ на вер-
[хушкѣ, —
раздался стройный благовѣсть.
надъ полумѣсяцемъ, въ кривушкѣ,
сверкнулъ опять побѣдный крестъ!..

Вѣна, 1900.

ЭПИГРАММЫ.

На самого себя.

Передумалъ-то я много,
только мало написалъ,
и за это, слава Богу,
я въ тюрьмѣ ужъ побывалъ.

Вѣна, 1897.

Врагамъ Руси.

Ахъ, не имѣла-бы враговъ Россія,
когда бы не Твои враги, Мессія!

Спб. 1899.

Оглавленіе.

	Стр.
1. Отъ издателей	3
2. Посвященіе	7
3. Учителямъ	9
4. Вешнія вѣянія	23
5. Осеннія слезы	33
6. Природа и думы	39
7. Пѣсни и люди	45
8. Тризна по юности	53
9. Брызги жизни	61
10. Лепестки любви	83
11. Родныя скорби	105
12. Боевые клічи	123
13. Видѣнія	135
14. Эпиграммы	141

Изданіе „Литературнаго Клуба“
при Обществѣ галицко-русскихъ студентовъ
„Другъ“ во Львовѣ.